

Ж.Л.Ромбе

18+

1888

Ж. Л. Готье

1888

«Автор»

2021

Ж. Л. Готье

1888 / Ж. Л. Готье — «Автор», 2021

Разоренный ставками в покер, исчезнувший на полгода, озлобленный и больной детектив Итан Брандт возвращается обратно в столицу Англии осенью 1888 года. Своим приездом он вызывает напряженность в лондонском обществе, потому что никто из высокопоставленных чиновников не знает, на кого на этот раз будет собрано досье и кто снова станет участником фальшивого преступления. Сам Итан не желает возвращаться в круг аристократов, но все равно будет вовлечен в кровавый конфликт между ними и неохотно займется расследованием жутких убийств, погрузивших мокрый, одуряющий и угрюмый Лондон в оторопь и ужас на долгие месяцы. Опрашивая свидетелей, стараясь избавиться от вмешательств в дело комиссара полиции и нового детектива, мистер Брандт будет вынужден докопаться не только до истоков совершенного преступления, но и вытянуть на поверхность глубоко скрытые факты биографий своих старых знакомых, замешанных в тревоге, охватившей каждый темный закоулок города.

© Ж. Л. Готье, 2021

© Автор, 2021

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	47
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ж. Л. Готье

1888

От автора

В книге «1888» вы можете столкнуться с расовыми, этническими, гендерными и религиозными предрассудками, распространенными во времена Викторианской эпохи, а также с пренебрежительным отношением к меньшинствам.

Автор произведения не принимает иного мировоззрения или образа жизни, но согласен предоставить другим право жить в соответствии с собственной системой взглядов, оценок и образных представлений о мире.

Автор также считает, что нужно обязательно освещать жизненные трудности людей минувших эпох, чтобы не повторять ошибок прошлого.

Глава 1

«Лондон. 1888 год.

Уважаемый мистер Брандт!

Несколько дней назад мне посчастливилось заметить вас в необычном свете: отрабатывая скопившиеся долги, вы помогли мяснику складывать нарезки перед открытием рынка, при этом ваше лицо было обезображено невероятно смертельной тоской, которая никак не относилась ни к мертвым тушам, ни к озлобленному торговцу.

До сих пор вас тревожит мерзкий мальчишка Виктор из агентства «Прималь», построенного на деньги, которые должны были получить вы.

Я помню те несколько недель, когда грязные сироты, продававшие газеты по всему городу, выкрикивали злосчастное имя лорда Абберлайна, сообщая о нем как о новом, перспективном, молодом и амбициозном детективе. Я помню, как вы искали подработки, не связанные с раскрытием преступлений, потому что ваши потенциальные клиенты, заманенные широкой лживой рекламой, шли в недавно открывшуюся, нашумевшую контору, платя невероятные суммы лишь за консультацию.

Ваше положение еще не совсем трудное, но уверенно движется к этому состоянию, а у меня есть то, что сможет покрыть все ваши многочисленные долги.

Предлагаю сделку – вы ловите меня, а взамен утираете нос лорду Абберлайну и возвращаете былую славу, ибо уверяю – скоро весь город затаит дыхание и замрет в страхе».

Я хмыкнул над письмом, поинтересовался у прислуги моего доброго друга по поводу обратного адреса, которого не оказалось, и убрал послание обратно в конверт, не придав ему особого значения.

Такая корреспонденция приходила мне каждый день, ведь все бандиты, как один, пытались быть большим, чем обычными злодеями, старались обрасти таинственностью и бросить мне вызов, а через несколько дней их пьяными ловили патрульные у местных пабов в трущобах.

Однако незнакомец был прав. В силу обстоятельств мое внимание в данный промежуток жалкого существования было приковано к поиску денег, хотя бы для оплаты съемного жилья и погашения кредита. Я даже начал продавать мебель из собственного, арестованного дома, и иногда был вынужден отрабатывать долги на главном рынке Лондона.

Сегодня удалось избавиться от дубового лакированного стола, отдав его почти за бесценок, а заодно проведать старого хорошего друга, у которого я прямо сейчас ужинал.

– Эдмунд, почему верхняя одежда вашей хозяйки до сих пор висит в прихожей, а не убрана в шкаф? – спросил Бенедикт своего дворецкого, проходя в столовую.

– Разве? Мне передали, что прихожая убрана, – отозвался мажордом, направляясь проверить слова хозяина. – Хм, действительно... Одежда все еще на вешалке.

– Скоро привезут старинный фарфор. Останьтесь у главного входа и проверьте дверь, выходящую на задний двор!

Бенедикт никогда не скупился на мебель и антикварные вещи. В его двухэтажном доме перемешались между собой индийские стили, рококо и готика, а весь интерьер состоял из предметов, обязательно хранивших в себе кусочки прошлого. Выглядело все вульгарно и очень безвкусно.

– Вы, Итан, прямо захворали. Как самочувствие? – обратился ко мне мистер Мур. – До сих пор получаете угрозы по почте?

– Угрозы для меня как утренние анекдоты за чашкой чая. Кашель замучил. Все время какое-то першение в горле.

– Вы курили в неделю столько, сколько у меня не выходило за месяц. Вам бы заняться своим здоровьем, снова жениться, завести нормальную семью и избавиться от авантюризма, ведущего в бездну. Посмотрите на себя: тридцать лет, разведенный, безработный, маетесь чепухой оттого, что не можете найти себе место. Живете в склепе да общаетесь с мышами. Что за существование такое? Эгоистическое.

– Мое счастье в моем эгоизме, мистер Мур.

Работы нет и в ближайшее время точно не будет. Всех клиентов себе забирал Виктор Абберлайн, обретший оглушительную популярность после раскрытия дела об ограблении банка Англии, которое полтора года назад должен был завершить я.

Этот мерзавец пробрался ко мне в дом, забрал все записи с уликами и именами предполагаемых преступников, найденных мной, затем в тот же вечер взял их под стражу. Долго ждать не пришлось, на полученные деньги он сразу же открыл в самом центре Вестминстера свое змеиное гнездо с такими же слизняками, как и он сам.

Люди стали более охотно идти к тому, кто был на слуху в каждой подворотне города и чье имя занимало первые строчки газетных колонок. Прекрасные немолодые одинокие леди с запудренными мозгами целыми днями обсуждали на улицах невероятный ум и исключительную интеллигентность этого мелкого сыщика, подогревая интерес других несчастных дам.

Не понимаю, почему Виктор до сих пор не воздвиг себе выдающийся памятник на Трафальгарской площади? Наверно, правительство еще не в полной мере оценило его вклад в безопасность Лондона.

– Как думаете, что это такое? – спросил Бенедикт, доставая из бара неизвестную бутылку без наклеек. – Живительная вода!

– Коньяк?

– Лучше! Виски! Налить?

Мистер Мур являлся доброжелательным человеком и другом. Мужчина, правда, имел постоянные перепады настроения, не терпел мнения других людей, но был очень милосерден к знакомым и при малейшей беде всегда выделял место либо в своей гостинице, либо у себя дома.

Наше знакомство произошло очень давно благодаря его безответственному отношению к собственному бизнесу, ибо моего друга постоянно грабили и обманывали, а расследование преступлений возлагалось на мои плечи.

Ко всем прелестям его необычайно широкой души добавлялась любовь поучить всех правильной жизни. О-о, это были замечательные речи, от которых у некоторых людей округлялись глаза, и они старались как можно скорее уклониться от разговоров зануды с тремя детьми.

– Уже нашли Шарлотту? – спросил мистер Мур, с аппетитом закусывая чеддером. – Не слышал о ней с тех пор, как вы уехали из города.

– Нет. Я тоже не знаю, где она. Да и нужно ли ее искать? Спустя столько лет беспокойного замужества моя бывшая жена заслуживает отдыха и нормального супруга с обычной профессией.

– И похода к парикмахеру.

– А мне нравился ее небрежный пучок...

Бенедикт взял гребень из кармана брюк и стал расчесывать свои кудрявые, полуседые, редкие волосы. Его нервировали торчащие по сторонам локоны, и причесывался он по сотне раз в день, иногда заставляя делать это и своих домочадцев. Не приведи бог, если хотя бы один волос выпадал у миссис Мур из косы, он сам начинал поправлять ее прическу, поэтому женщина большую часть времени ходила с прилизанным, туго убранным пучком.

Несмотря на стереотип о том, что богатые люди страдают от лишнего веса и в принципе склонны к полноте, мистер Мур имел крепкое телосложение в сочетании с высоким ростом. Густая борода и усы, которые он вечно поправлял, делали его широкое лицо еще больше.

Вздернутый нос и раскосые карие хитрые глаза с густыми ресницами, как у женщин, ярче всего выделялись в его своеобразной, удивительной внешности, чего не скажешь о его жене.

Где бы Бенедикт ни появлялся, взор мгновенно падал на него, не замечая находившуюся рядом с ним серую, невзрачную жену со стеклянным, уставшим взглядом. И хотя многие из зажиточных людей помнили Кэтрин как статную и властную женщину, источавшую невероятную силу характера вкупе с внутренней энергией, сейчас она превратилась в обессиленную, жалкую, молчаливую старуху с вечно прищуренными веками и обидой на весь мир.

– Не прикасайтесь к верхней одежде мистера Брандта! – вдруг воскликнул мистер Мур, едва поднеся тамблер ко рту. – Повесьте ее обратно на вешалку и поставьте подальше. Вы вообще видели, в каком состоянии его пальто? Цилиндр? Сапоги? Мы с вами не знаем, какую заразу он принес к нам в дом на этом старье.

Бенедикт терпеть не мог неухоженных людей, и его замашки часто были обращены в мою сторону. При каждой встрече он повторял: «Итан, ваш внешний вид портят ужасная щетина, растрепанные волосы и несколько суровый вид. Вы стали выглядеть на пару лет старше!». Следом за этими словами шло предложение постричься у ближайшего цирюльника, от которого я категорически отказывался, потому как не считал, что меня как-то портит небольшая неухоженность. Года мне прибавляли темные круги под глазами, тусклый цвет кожи и появившиеся морщины на лбу.

– Главную заразу вы привели в дом лет двадцать назад, – ответил я, залпом опрокинув стакан с виски.

Мужчина захохотал, долив себе еще немного «живительной воды». Он одобрительно относился к моим колким шуткам насчет брака и миссис Мур, но никогда не смеялся, если они касались его самого.

Через некоторое время, когда к столу подали десерт, я, изрядно устав от историй Бенедикта о заносчивых аристократах, неторопливо мешал ложечкой таявшее мороженое. Особенно не слушая то, о чем говорил мужчина, я тем не менее понимал, что знаю о его махинациях с высшим обществом гораздо больше, чем он мог бы себе представить.

Скуку развеял раздавшийся со стороны лестницы знакомый мотив незамысловатой детской песни, исполненный приятным низким женским голосом.

– А-а-а, забыл сообщить, – тепло протянул Бенедикт и улыбнулся так, будто ему только что преподнесли древнюю вазу в его дорогую коллекцию. – Несколько недель назад ко мне приехала Анна Гамильтон. Моя племянница. Вам стоит с ней познакомиться. Между вами много общего.

Послышались маленькие, но громкие шажки, приближающиеся к столовой, в которой мы безмятежно проводили время, с подступившем унынием от однообразия.

– Дядя, а когда к нам... – сказала женщина, но вдруг остановилась в дверях и затаила дыхание, а после воскликнула: – Ах, он уже здесь!

Она была хрупкой, не отличалась изысканной красотой, хотя и уродливой назвать ее было сложно. На плечи незнакомки спускались черные волосы, заплетенные в две толстые косы, которые она беспокойно трогала, будто считая, что они некрасиво лежат. Покрасневшее лицо, затронутое местными условиями, пропитавшими наших дам, выдавало озорство и легкую глупость, а в карих глазах было столько жизни, что, казалось, ее хватит еще на кого-то.

При первом взгляде на женщину не замечалось ничего необычного и цепляющего, но присмотревшись, можно было все-таки отыскать в ней что-то загадочное.

– Анна, знакомься – это старый друг моей семьи Итан Брандт, – всполошился Бенедикт, вставая из-за стола. – Я упоминал о нем в письмах.

– Очарован, – сказал я женщине и почтительно поклонился. – Присядете с нами?

Миссис Гамильтон коротко кивнула и туго улыбнулась, сложив на животе руки, покрытые следами от старых мозолей, затем чуть приподняла подбородок, выражая легкое высокомерие, и присела на стул, который я для нее отодвинул.

Вблизи ее лицо показалось мне знакомым, словно мы уже где-то мимолетно встречались, но я так и не смог вспомнить, где именно мог видеть племянницу Бенедикта, поэтому поинтересовался, откуда она родом.

– Из Санкт-Петербурга, – с достоинством ответила Анна, будто бы испытывая гордость за свой город. – Вы должны были догадаться о моем происхождении, мистер Брандт. Только русские люди имеют особый, грустный взгляд.

– Неужто только они? – с усмешкой в голосе спросил Бенедикт.

– Дядя, разве вы не знаете, что на русских крест такой – тяжело жить? Оттого и взгляд печальный, – задумчиво ответила миссис Гамильтон. – Мистер Брандт, через месяц в Лондоне будут показывать оперный спектакль, в котором мне отведена одна из ведущих ролей. Не желаете посетить?

Я недовольно взглянул на Бенедикта, который наслаждался своим десертом, ведь теперь мне стало понятно, к чему были его слова про много общего с моей новой знакомой.

– Вынужден отказать. Не посещаю театры уже много лет. Тем более, у вас не слишком профессиональные навыки вокального искусства. Потенциал есть, но над ним следует долго работать.

– Как вам не стыдно говорить такое? – оскорбленно фыркнула женщина. – Откуда вы можете знать, отточено мое мастерство или нет?

– Анна, лучше прислушайся, – осадил свою племянницу Бенедикт. – Итан грубый и слишком прямолинейный человек, но многое знает о твоей специальности.

– Вы оперный певец? – обратилась ко мне миссис Гамильтон, значительно подняв брови и пристально посмотрев в мою сторону.

– Частный детектив, – ответил я.

Женщина задумалась, сопоставляя слова своего дяди и мои, пытаясь понять, чему сыщик, обитающий в местах скопления жутких убийц, мертвых тел и темных переулков, может научить человека из прекрасного, светлого мира театрального искусства?

Но, видимо, не найдя ответа на свой вопрос, она решила сменить тему беседы, пододвинулась ко мне чуть ближе и кокетливо спросила:

– Не хотите прогуляться по вечерним улицам Лондона? Посмотрим на ночной город. Это так интересно.

Я гадливо отстранился от нее, подлив себе еще виски, как вдруг на втором этаже неожиданно раздалась ругань, сопровождаемая грохотом от падения чего-то тяжелого на пол.

– Даже земля-мать не хочет держать твоего мужа в себе! – хрипловатым голосом кричала Кэтрин. – Гроб с телом украли, могильную плиту разбили!

– Мама, перестань так говорить! – восклицала в ответ ее старшая дочь. – Почему тебе так нравится делать мне больно, постоянно вспоминая о Роберте?

Бенедикт сконфуженно откашлялся в кулак, а после, причмокивая и цокая, произнес:

– Кажется, освежиться все-таки не помешает. Не нужно слушать женские вопли, от них только голова болеть начинает.

– Поэтому вы лечите свои мигрени в опиумных курительнях и борделях? – поинтересовался я, потянувшись за бутылкой виски, чтобы взять ее с собой в дорогу. – Китайцы в Лаймхаусе уже делают вам скидку как постоянному клиенту?

В ответ старый друг хмуро покачал головой, наградив меня осуждающим молчанием.

Глава 2

– Анна, как поживает твой старый урод Филипп? – спросил мистер Мур. – Надеюсь, ты обрадуешь меня новостью о том, что его тело кормит собой червей под землей?

– Дядя! – недовольно прикрикнула Анна, поморщив нос. – К вашему несчастью, он жив и здоров.

Я косо посмотрел на них, и женщина вдруг решила, что мне требуются пояснения:

– Филипп иностранец и намного старше меня, чем Бенедикт сильно взбешен, – заговорила она. – Мой муж юрист. Он прошел практику в Германии и смог открыть свою контору в Санкт-Петербурге, представляете?

– Угу, – холодно пробурчал я, отхлебнув виски из горла бутылки. – Несказанно рад за вашего супруга.

– Анна, не обращай внимания на равнодушие и незаинтересованность этого молодого человека, – нагло влез в разговор Бенедикт. – Он дружит только с дотошными, правильными, ответственными людьми, с которыми имеет схожесть в профессиональных интересах. Тяжелые времена сделали его еще более нелюбезным, чем обычно.

– Ваши дружеские отношения с мистером Брандтом построены исключительно на взаимовыгодных условиях?

– Вы недолго находитесь в моей компании, миссис Гамильтон, – ответил я, рассматривая сколько еще виски находится в бутылке. – Вся моя жизнь – это выгодные сделки и предложения.

– Как точно подмечено, Итан, – с горечью усмехнулся мистер Мур. – Как точно...

Получив довольно сдержанные ответы и почувствовав, насколько нам с ее дядей неприятно обсуждать тему денег, милая леди стала задавать вполне банальные вопросы о местной погоде, удивляясь тому, что, оказывается, в Лондоне дождливых дней намного меньше, чем в других городах.

Всегда веселили ничем не обоснованные стереотипы приезжих чужеземцев. На самом деле, отодвигая в сторону литературные произведения, способствующие распространению неверной информации, и приукрашенные рассказы моих соотечественников за границей, обнаружится, что почва для слухов возникла из-за непредсказуемости погодных условий. С раннего утра могло палить жаркое солнце, а к полудню по улицам гулял шквалистый ветер, пробиравшийся во все швы одежды и выворачивавший зонты наизнанку.

На Стрэнде, где жил мой старый друг, сегодня выдался довольно славный, спокойный вечер. Кэбов, карет и прочих средств передвижения практически не наблюдалось, и я, как любитель поздних прогулок, наслаждался почти полной тишиной, возвращая в ней трезвость мыслей и восстанавливая душевное равновесие после шумной суеты большого города.

Несмотря на то, что на календаре значился второй день октября, на улицах чувствовался сырой осенний холод, заставляющий зябко вздрагивать, сильнее кутаться в потертое пальто, а иногда и лязгать зубами.

Весь долгий путь, направленный в сторону лондонского Сити, Бенедикт беседовал с Анной о семейных делах, оставив меня плестись позади наедине с самим собою, начавшим от скуки выпускать белый пар изо рта и наблюдать, как он растворяется в полуночной темноте, освещенной газовыми фонарями.

Я почти допил остатки алкоголя и собирался избавиться от бутылки, когда услышал голос, окликнувший меня с другой стороны улицы Кинг-Уильям.

Он принадлежал обросшему бездомному, сидящему на холодном тротуаре без ботинок, который просил оставить ему глоток виски, чтобы хоть как-то сохранить остатки согревающего

тепла в своем промерзшем теле. Бедняк перебирал в руках, как четки, браслет, состоящий из бусин с изображением Хотeya и имеющий маленький медальон из ювелирной стали.

– Спасибо, – сказал мужчина, выхватив бутылку из моих рук, как только я приблизился к нему. – Вы добрый человек.

– Это самое дорогое, что у меня было, – ответил я, сунул свободную руку в карман пальто и поежился от холода. – Если дела пойдут так же паршиво – сидеть мне рядом с вами на холодном картоне.

– А я, кажется, знаю вас. Последнее время вы часто появляетесь на главном рынке. Торговцы говорят, что вы бывший детектив.

– Да, но не бывший. Работы нет, приходится браться за все, что оплачивается.

Мужчина косо посмотрел по сторонам и тихо пробормотал:

– Тут недалеко, до вашего прихода, в истерике бегала женщина. Слов не разобрал, она была сильно напугана. Похоже, кого-то прирезали в Уайтчепеле.

Заметив, что я сильно отстал, Анна с Бенедиктом вернулись обратно, и женщина, услышав об убийстве, начала дотошнее меня расспрашивать у бедняка о преступлении. Она вдруг заявила о моей некомпетентности и трусости, когда я наотрез отказался идти исследовать место преступления, ведь настоящий детектив, по ее словам, немедля бы отправился выяснять, что произошло.

– В Уайтчепеле постоянно находят обезображенные тела, – сказал я, пожав плечами. – Туда пугаются пойти не то что вечером, туда неохотно идут в светлое время суток. Пристрелят, соберай потом по частям в мясных лавках. Пусть этим происшествием занимаются стражи порядка. Пойдемте обратно. Мне нужно будет еще полночи идти домой, если вас это, конечно, интересует.

– Мистер Брандт, вспомните про свои задолженности и обязательства, – произнес Бенедикт, взяв меня за плечо. – Придите в себя, черт возьми!

Убрав с себя руку мистера Мура, я мрачно нахмурил брови и бросил в сторону мужчины возмущенный взгляд, полагая, что мое негодование подействует на него, но он в ответ лишь широко улыбнулся и помахал перед моим носом толстым блокнотом с записанными суммами, которые я ему должен.

Можно было бы, конечно, сходить разузнать, что произошло в Уайтчепеле, но мне так хотелось хорошо и крепко выспаться, что чаша весов все больше нарушала балансирование в сторону съемной квартиры.

Не имелось ни малейшего желания находиться на месте преступления вместе с Бенедиктом и Анной, ибо легко возбудимый мужчина при виде трупа стал бы суетиться и паниковать, а женщина в принципе доверия у меня не вызывала – не люблю личностей, связанных с творческой деятельностью, ведь они очень эмоциональны, отчего кажутся неискренними. Да что уж там говорить – и сами театры на дух не переношу. Тем более, я все никак не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах мог видеть племянницу мистера Мура?

– Врача! – отчаянно кричала какая-то женщина совсем недалеко. – Кто-нибудь, услышьте! Полиция!

Поднявшись, бездомный пожелал мне удачи и пьяной походкой отправился в темную глубину улиц, насвистывая пошлые песни.

Я попрощался с другом и новоиспеченной знакомой, отправив их домой и заверив, что все будет в порядке и они не узнают о моей кончине из новостных колонок, и что их присутствие на месте преступления не понадобится.

К этому времени незнакомка, ищущая помощи, находилась уже в конце переулочка, не обращала на меня никакого внимания и все больше наводила панику, тревожа выглядывающих из окон жителей, разбуженных ее отчаянными воплями.

Подойдя и представившись, я разглядел женщину лет за сорок, хотя ей могло быть и меньше, ведь обычные рабочие, вроде нее, быстро старели в чудовищных условиях на фабриках и становились обладателями глубоких морщин с въевшейся в них угольной пылью. Немытая, в лохмотьях, с изношенной обувью, надетой на косолапые стопы, и с измученным видом – сразу можно определить, что вся жизнь женщины проходила с пустым желудком в борьбе за выживание.

Из ее обрывистого описания места преступления я выяснил, что идти было далеко – убийство произошло где-то в лабиринтах улиц столичного пролетариата и бедноты на Бакс-Роу.

О, время расцвета Британской империи! Полнейшее господство над морем и торговыми путями, распространившаяся власть от Канады до Индии, от Шотландии до Австралии – все это находилось в сильных женских руках Ее Величества. Солнце ярко светило над всей столицей, кроме одного места в самом сердце моей горячо любимой Британии – в лондонском Ист-Энде, так отличавшемся от фешенебельного Вест-Энда.

В восточной части Лондона не было ухоженных дорог, дома без фундамента находились в совсем непрезентабельном виде, а в убогих комнатухах, без какой-либо отделки, жили озверевшие от бедности люди, варившие похлебки из потрохов и часто промышлявшие занятиями маргинального характера. Местные пейзажи переносили во времена средневековья, а от ароматов сводило желудок болевыми спазмами.

Тело убитой, освещенное слабым светом от фонаря единственного полицейского, лежало на улице в окружении нескольких бесстыдно глазевших прохожих. Ближайшие уличные газовые фонари были выключены и погружали местность в кромешную тьму.

– Почему ей никто не помогает!?! – возмущенно донеслось из толпы зевак. – Позовите врача!

– А зачем ей помогать? – с усмешкой в голосе отозвался полицейский, рассматривая труп. – Она же просто прилегла отдохнуть.

Я сдержанно представился констеблю и попросил его подробно рассказать об очередной трагедии, случившейся на одной из грязных и глухих улиц Уайтчепела, переполненных расизмом, крайней нищетой и высокой преступностью.

Мужчина сообщил, что патрулировал в этом месте буквально двадцать минут назад, что ничего странного не видел, и что среди толпы все еще находился свидетель, обнаруживший труп, затем полицейский вновь посветил на мертвую женщину, а я присел на корточки и начал ее изучающе рассматривать.

Она была теплой, значит, убита недавно. На шее виднелся свежий разрез от уха до уха, но крови, отчасти впитавшейся в рабочую рубашку, было совсем немного, также ее не было на груди, что означало только одно – жертва умерла не стоя, а на земле. Я сделал предположение, заметив кровоподтек на ухе, что убитую изначально повалили ударом и только потом нанесли смертельную рану.

– Кто первым обнаружил тело? – поинтересовался я.

– Джейкоб Уотерс! – воскликнул полицейский, посветив на собравшихся вокруг бездельников. – Выйдите, расскажите мистеру Брандту все, что знаете, пока мы ждем еще один патруль с врачом и санитарной тележкой.

По словам свидетеля, он возвращался домой с ночной смены, когда увидел неразборчивые очертания на дороге, будто лежало несколько забытых мешков. Он также добавил, что шел не один, а со знакомым извозчиком, который изначально подумал, что женщина пьяна, но, разглядев увечье на шее и побледнев, убежал за ближайшим патрульным.

Ни проснувшиеся жители, выглядывающие украдкой из домов, ни подошедшие прохожие, ни те, кто присутствовал изначально, ничего не слышали, не видели и отмалчивались, поживаясь от страха и перешептываясь между собой. Кто-то даже вспомнил про оставшихся

детей у погибшей женщины и легкой стычке с местным кожевником, произошедшей совсем недавно около склада.

Констебль пребывал в беспокойном, в несколько взбудораженном состоянии от происходящего, то и дело подозревая каждого из тех, кто в данный момент находился рядом с ним. Я попытался успокоить его, напомнив, что буквально несколько недель назад в Уайтчепеле были найдены еще два обезображенных тела, истерзанных кем-то из синдикатов.

Эти слова были сказаны ради спокойствия мнительного стража порядка, ибо я, конечно, был не слишком силен в ранах и патологоанатомических вопросах, но, расследуя бандитские преступления около десяти лет, ясно осознавал, что для такого разреза понадобятся определенные хирургические навыки, которых местные люмпены не имеют.

Находясь в ожидании прибытия еще нескольких бобби и бодрствующего врача в позднее время суток, я отобрал у констебля фонарь и, в поисках отпечатков подошвы или чего-то более любопытного, стал осматривать небольшую часть пути, пройденную женщиной до того, как ей перерезали горло.

Найденные едва заметные отпечатки, появившиеся оттого, что преступник случайно наступил одной ногой в находившуюся неподалеку лужу из нечистот, заинтересовали меня, заставив задумчиво улыбнуться.

Четких следов было всего несколько, но у всех не пропечатался передний край ступни. Если брать отпечаток полностью, то можно было предположить, что убийцей являлся мужчина с девятым размером ноги, ростом примерно шесть футов и пять дюймов, не полностью коснувшийся сапогом помоев.

Однако, если брать во внимание длину от небольшого каблука до конца отчетливых очертаний, то, возможно, это женщина. У нее был восьмой размер ноги, и, чтобы запутать следствие, она надела мужскую обувь, а в мысок положила что-то заполняющее пустоту, поэтому он был плохо виден.

Можно было бы точно определить пол по походке, но и тут возникли вопросы, касающиеся здоровья ноги преступника, – следы характерны для хромого человека.

Через некоторое время, когда людей одолела скука наблюдать за бездыханным телом и большинство из них разошлось по домам, к нам в кэбе, вместе с санитарной тележкой, подошли еще одни полицейские в сопровождении моего старого друга патологоанатома.

Новоприбывшие стражи порядка из Уайтчепельского участка незамедлительно начали осматривать место преступления в попытках обнаружить то, что пропустил я, и стали задавать щекотливые вопросы оставшимся свидетелям, в частности, морально подавляя затравленного мистера Уотерса и делая двусмысленные намеки на его непосредственную причастность к убийству.

Один из полицейских не справился с магниевой вспышкой и вместо того, чтобы сделать снимок трупа, случайно сфотографировал меня, сконфуженно пообещав оставить проявленный портрет у комиссара полиции.

– Ах, детектив Брандт! – восторженно вскрикнула врач, проходя мимо меня. – Вижу, вы за полгода наконец-то отдохнули и решили поработать?

– А вы, мисс Дю Пьен, до сих пор спите на соседних кушетках с мертвецами у себя в морге?

– Это было один раз и неправда, – ответила она, после чего развернулась и протянула руку в знак приветствия. – На самом деле, я очень рада, что ваша оперативность превзошла лорда Абберлайна, и что сейчас здесь вы, а не он.

Я молча пожал ей руку, наблюдая, как ее лицо, только что светившееся в лучезарной улыбке, скривилось в недовольстве, не дождавшись от меня поцелуя в ее костлявую кисть.

Клаудия раскрыла свой новый саквояж и присела рядом с трупом, медленно поворачивая голову несчастной из стороны в сторону, затем приподняла запятнанную и затасканную рубашку женщины, которая была ей не по размеру.

Старая знакомая то хмурила брови, то играла неправильными желваками, то неразборчиво нашептывала себе под нос, прежде чем повернулась и озадаченно посмотрела на меня и констебля, который страшно разнервничался. Глядя на выражение лица мисс Дю Пьен, мне показалось, что она достаточно удивлена и находится в замешательстве.

– Интересно, – после долгого молчания выдавила из себя врач, снова рассматривая рану. – Разрезы неаккуратные, но человек, совершивший убийство, определенно имел минимальные знания в анатомии. К слову, женщина умерла в течение получаса. Для полного заключения нужно отвезти ее в морг.

Клаудия мгновенно организовала погрузку тела, договорившись с мужчинами из толпы, и, пока они, ошарашенные легкой подработкой, поднимали мертвую проститутку, я приметил потрепанную кошелку, лежащую в тени неподалеку.

В ней находились личные вещи убитой: гребень, кусок зеркала, носовой платок и карточка прачечной с надписью: «Ламбет», с указанием адреса рабочего дома.

– Будете? – поинтересовалась мисс Дю Пьен, протягивая наполненный до отказа портсигар. – Возьмите столько, сколько хотите.

– Благодарю, – сухо ответил я, прикуривая от сигареты Клаудии. – Что еще скажете, пока рядом нет констеблей?

– Не похоже на бесчинства местных синдикатов, мозгов не хватит так изувечить тело. Изможденно выглядите, мистер Брандт, словно приболели.

Я усмехнулся, сделав один-единственный вдох табачного дыма, и сразу же стал слегка кашлять, но не как при простуде, а как будто неприятно запершило в горле, отчего я сильно злился, ведь мое желание покурить усиливалось с каждым днем, даже когда здоровье стало откровенно изменять.

Клаудия удивленно подняла брови, став свидетелем того, как я по своей воле потушил сигарету сапогом, но почему-то никак не прокомментировала это поистине историческое событие.

– Готовьтесь, Итан, – проворчала мисс Дю Пьен, оставляя окурки в кирпичной стене дома. – Едем в Сент-Джордж Филдс.

Я мельком осмотрел ее давно не крашенный скрипучий экипаж с исхудавшей лошадей и подозрительным бедняком за поводьями вместо кучера, и усомнился в большом финансовом состоянии женщины, каким она обладала ранее. Впоследствии выяснилось, что у транспорта был плох не только внешний вид, но и имелись существенные проблемы с ресурсами.

Сжимая в кулаке карточку прачечной и зонт, я сел напротив Клаудии, принявшись с увлечением следить за тем, как она, тяжело сопя, делает неразборчивые пометки в своей толстой тетради. Судя по всему, у врача здорово испортилось настроение, ведь теперь, помимо работы в Бедламе, ей придется заниматься еще и официальными документами об осмотре покойной и ее последующем посмертном состоянии.

Мисс Дю Пьен переехала в Лондон из Франции больше пяти лет назад и на мои расспросы, что побудило ее это сделать, всегда отшучивалась и конкретно не отвечала, но, глядя на нее, я бы никогда не подумал, что заветной мечтой женщины было работать в морге одной из самых жутких больниц для душевнобольных, в котором она проводила большую часть своего рабочего и свободного времени.

Клаудия не из тех, на кого бы мужчины бросали свои восхищенные взгляды или сворачивали шеи, проходя мимо, лишь бы подольше насладиться пленительной женской красотой. Бесформенное, невыразительное лицо со светлой картинной печалью и миндалевидными

голубыми глазами, обрамленными длинными, но редкими ресницами, не привлекало к себе внимания прохожих, а отталкивало.

В настолько несимпатичной внешности сильно выделялся лишь сосредоточенный, с нотками пренебрежительности, изучающий взгляд, показывающий, насколько его обладательница была горда собой и интеллектуально одарена.

Вечно спешащая по нескончаемым делам, которых становилось все больше с каждым днем, она отодвинула личное счастье в сторону, поставив на первое место карьеру, деньги и власть с богатством, полностью уподобившись мне. Женщина, совсем позабывшая о манерах, никогда не обращала внимание на мнение окружающих людей, косо смотрящих на нее, предпочитая продолжать носить удобный твидовый костюм и торопиться к очередному пациенту, держа в руках набитый, тяжелый саквояж. Гибкое мышление, твердые и глубокие знания о своей работе и профессии позволяли ей двигаться вперед и сохранять непоколебимое уважение среди других врачей, несмотря на ее повсеместно осуждаемое поведение и внешний вид.

– Мистер Брандт, мы не виделись почти полгода, – вдруг произнесла Клаудия, оторвавшись от записей. – До сих пор числитесь должником у каждой блохастой собаки в подворотнях?

– Я обязательно передам мистеру Муру, какого вы о нем мнения.

Врач рассмеялась, вновь устремив все свое внимание на записи в тетради, и, озабоченно покусывая карандаш, пожаловалась на воздух, испорченный здешними фабриками и часто оставляющий во рту привкус угольной пыли.

Я не слушал жалобы женщины, а лишь наслаждался пленительным, таинственным городом финансов и искусства, переполненным британским юмором и родным угольным смогом.

Моя спутница, сколько ее знаю, была противоположного мнения. Она всегда считала и рьяно доказывала, что Париж намного лучше, ведь в знаменитой столице Франции великодушные меценатов неизменно, а вежливость, учтивость и порядочность не скрывали в себе зависть, злорадство и лицемерие. Так же думал и мистер Мур. Единственные беседы, за которыми Клаудия и Бенедикт могли проводить бесконечное время, не ссорясь, – это жаловаться друг другу на Великобританию и обсуждать самое плохое, что в ней есть, закрывая глаза на все хорошее.

Буквально через полчаса мы подъехали к громоздкому, окутанному плотным туманом Бедламу, который хранил внутри себя бесчисленное количество тайн и секретов, спрятанных так глубоко, что потребовалось бы не одно десятилетие на их раскрытие.

Одной из самых больших и решенных загадок являлась история о появившихся в больнице рессурекционистах, или, как их называли в узких кругах, «воскресителях».

Эти нелюди находились на значимых должностях в Бедламе, совершенно точно знали об умирающих и часто способствовали их скорейшему преданию земле, затем, после похорон, они выкапывали тела и продавали в их другие лечебницы или медицинские учебные заведения в качестве наглядных пособий, которые пользовались большим спросом на лекциях у студентов.

Когда миссис Мур сообщила мне неприятнейшую новость о том, что могилу ее зятя раскопали, не оставив там и гроба, я без тени сомнения ответил, что в этом были повинны расхитители могил, после чего женщина сразу сменила тему разговора.

Когда-то вместе с Бенедиктом они пожалели денег на металлическую клетку для захоронения Роберта и теперь наблюдали за ежедневными душевными муками овдовевшей старшей дочери.

– Мистер Брандт, готовы погреться в одном из самых спокойных мест во всем Лондоне? – с усмешкой спросила Клаудия, вылезая из экипажа. – Ах, я вспомнила! Вы же не поклонник мистики и призраков! Как жаль, что мы приехали сюда поздней ночью.

– Скорее в Акре Дьявола когда-то было тише, чем в этом богом забытом месте. Не знаю, с чего вы взяли, что меня вгоняют в страх приведения. Я на дух не переношу лишь кладбища и могилы, – ответил я, следуя за ней широким шагом. – Сколько времени вам потребуется для заключения?

Мисс Дю Пьен остановилась, хитро улыбнулась, крепко сжав тонкие губы, и произнесла высоким голосом, точно декламируя:

– Достаточно для того, чтобы вы заскучали.

После, деланно посмеявшись, но так и не ответив ничего конкретного на мой вопрос, женщина, чуть задрвав свой маленький острый носик, важной походкой направилась в сторону громоздкого двухэтажного здания, разделенного на женский и мужской корпуса, соединенных просторным вестибюлем. В этой же больнице находился морг, неофициально принадлежащий мисс Дю Пьен, знающей про все, что касалось умерших здесь пациентов.

Оказавшись в палатах Бедлама, люди с душевными расстройствами, связанные и сидевшие с утра до ночи на деревянных скамейках, кричали, прося помощи, отчего по всему телу пробегала нервная дрожь, а тех, кого прятали в больницу насильно, убеждали в том, что они сошли сума, заставляя жить в вечном неопределенном чувстве жути.

Над самыми беспокойными ставились эксперименты и проводилась резекция коры головного мозга, от которой больные переставали испытывать любые эмоции и становились недееспособными.

При входе в Бедлам могло сложиться впечатление, будто это на самом деле музей, а не место скопления психически нездоровых личностей. Весь вестибюль был полностью отделан темным деревом, паркет начищен и отполирован настолько, что он мог заменять зеркала, посередине располагалась массивная резная лестница, сделанная из ясеня, а чуть подалее от стойки регистрации находился малахитовый камин, обставленный диваном и креслами, почти сравнимыми с мебелью зажиточного мистера Мура.

Все в этом месте хотело сбить с толку поступавших больных, отвлечь от приближающегося кошмара, и у больницы получилось бы это сделать, если бы не здешний запах, портящий все представление.

Едкое амбре из этилового спирта, хлорной извести, пахучих мазей и стерильных бинтов моментально возвращало в суровую реальность, напоминавшую о существовании корпусов, где лампочки тускнеют с каждым днем все сильнее, где напольная плитка, вся в сколах и въевшихся пятнах, видела не один век, и где на стенах облупилась грязно-зеленая краска, оголявшая надписи, сделанные безумными пациентами.

Казалось, что по ночам сумрак здесь обретал форму, таинственно передвигаясь по длинным темным коридорам и сквозя через множество наполовину разбитых окон.

Клаудия попросила подождать ее в вестибюле, пока мертвое тело перенесут в морг, и она сможет детально рассмотреть его.

Время шло, женщина не появлялась. Я решил подробнее изучить письмо от потенциального убийцы, которое получил ранее на ужине у Бенедикта. Единственное, что мне бросилось в глаза – это имеющийся у печатной машинки дефект, выражающийся в том, что почти все буквы на бумаге едва заметно двоились.

Не разглядев для себя больше ничего полезного, я откинулся на бархатную спинку дивана и задремал под жалобные, приглушенные стоны больных.

– Мистер Брандт, просыпайтесь, – торопливо прошептала Клаудия, тормоша меня и присаживаясь рядом. – Есть интересная информация.

– Вы негодайка, а значит, что заключение просто так не отдадите, – ответил я, сонно потянувшись и протяжно зевнув. – Какие имеются пожелания?

– Удивительная проницательность. Не хотите посетить сегодня поздним утром ресторан в Кенсингтоне?

– Вы приглашаете меня на свидание?

Она закатила глаза, после чего посмотрела на меня так, что мне сделалось стыдно за свой глупый шуточный вопрос, и сказала:

– Я приглашаю вас позавтракать.

– Боюсь, мне придется отказать вам и воспользоваться помощью другого патологоанатома. В данный момент у меня нет возможности принять ваше предложение.

– Я вас угощу, – ответила Клаудия, слегка сморщив нос и опустив уголки рта. – Как бы мне не хотелось.

– С этого и нужно было начинать разговор! Во сколько я должен быть на месте?

– Ровно в полдень в ресторане «Кифа». Как планируете добраться до дома?

– Снова один прогуляюсь без денег, но, если хотите, могу проводить вас.

– Нет. Я останусь еще поработать. А bientôt¹, мистер Брандт.

Она подмигнула мне и направилась в сторону двери морга, чтобы провести остаток ночи в своей любимой компании достаточно молчаливых людей.

---

¹ До скорого

Глава 3

– Послезавтра состоятся похороны лорда Бланша! Его семья будет рада присутствию каждого, кому была небезразлична судьба знаменитого музыканта! – громко вещал новости угреватый подросток, стоя на ящике и размахивая газетой. – Очередное убийство в Уайтчепеле! Возьмут ли на себя ответственность главари синдикатов?

– Дай сюда, – угрюмо сказал я, выхватив из рук парня свежий номер. – Когда вы только успеваете их печатать?

– Три пенса, сэр, – пролепетал он, протягивая ладонь.

Я осуждающе посмотрел на сорванца, чуть приподняв брови, и тут же сменил свой интерес на колонку новостей про ночное убийство, игнорируя требовательные просьбы заплатить за газету.

Без всякого сомнения, я ожидал, что журналисты не позволят себе упустить шанс осветить очередное преступление, случающееся через день в Уайтчепеле. Однако в этот раз газетчики превзошли самих себя, обвинив в содеянном одну из самых влиятельных и многолюдных банд Лондона и рассказав читателям о нещадно растерзанном теле, находящемся в жутком состоянии.

В конце статьи мелким шрифтом было примечание, что полиция уже поймала и назвала имя преступника, а также, что глава уголовного розыска и суперинтендант, возглавлявший отдел Н, отправились в долгий отпуск, и дело передано главному инспектору Скотланд-Ярда.

Скептически усмехнувшись над написанным, я положил газету обратно во все еще протянутую руку мальчишки и посмотрел на часы, висящие над входом в ресторан. Стрелки показывали без пяти минут двенадцать, но Клаудия, которая никак не могла принять, что единственное связующее звено между нами – это наше общее прошлое, не появлялась.

В ожидании женщины я оперся на зонт, слегка откашлялся, почувствовав сухость в горле, и предался спокойному созерцанию бушующей жизни вечно спешащих и занятых людей.

Каждый раз, как только в поле моего зрения попадала мисс Дю Пьен или кто-то упоминал в разговоре ее имя, в памяти всплывали болезненные воспоминания о моей ненаглядной Шарлотте. Помимо прочего, я полностью ограничил общение с врачом не из-за возникшего сложного положения, в котором оказался, а из-за ее манеры вмешиваться в чужие дела и всячески позволять себе говорить колкости в адрес моей бывшей супруги, ибо они были неправдивы настолько, насколько это возможно.

Клаудия любила красиво жить и, не изменяя своим предпочтениям, выбрала заведение, где проводили свое свободное время семьи из сливок общества и где с большой вероятностью можно было повстречать мистера Мура, бывающего здесь каждое утро со своей нелюбимой женой и тремя детьми.

Мужчина всегда приглашал меня разделить с ним завтрак и сильно расстраивался, когда я не принимал его предложения, ссылаясь на несуществующие дела. Остатки моей сохранившейся совести не позволяли мне в полной мере пользоваться его добродушием, ведь я ничего не мог предложить взамен и иногда намеренно скрывался от общения и встреч с ним.

Ровно в двенадцать дня напротив ресторана остановился старый экипаж, из дверей которого неуклюже вышла мисс Дю Пьен. Она поправила кружевные митенки, затянула потуже хвост роскошных русых волос и изобразила приветливую улыбку, больше похожую на хищный оскал.

Я невероятно изумился, увидев женщину в ее любимом платье. Помнится, последний раз Клаудия была в подобном наряде, подчеркивающем остатки ее женской красоты, года два назад, когда мы проиграли в покер ее колье, бриллиантовые серьги и тысячи фунтов на очередном пышном вечере, что стало дурным знаменем черной полосы в моей жизни.

– Вы будто вечность не спали. Что с вашим внешним видом? – поинтересовалась мисс Дю Пьен. – Неужто опять развлекались по пабам в компании мистера Мура?

– Нет. Знаете, в последнее время одолевает кашель. Не сильный, но такой надсадный.

– Вам следует подумать над своим образом жизни и пересмотреть приоритеты, – ответила она, застегивая пуговицы моего пальто. – Не волнуйтесь, если вы вдруг сыграете в ящик от туберкулеза или пневмонии, я достойно похороню ваше безгрешное тело, а на могильной плите выграввирую эпитафию: «Я же говорила!».

– Спасибо, – усмехнулся я, открывая перед ней дверь и пропуская вперед себя. – Одной проблемой стало меньше.

В ресторане – одном из старейших в этом районе – на протяжении долгих лет готовил мэтр кулинарии, по совместительству являющийся совладельцем данного заведения и представляющий из себя яркого патриота. Здесь официанты – чистокровные британцы, а ингредиенты – отечественные, отчего цены были выше в несколько раз. Особая гордость заведения – мозаичный золотой потолок, о котором хозяин мог рассказывать все свободное время, стоило только заикнуться про это произведение искусства.

Делая заказ, я заметил в дверях пришедшего Бенедикта со всей семьей. Мужчина не увидел или сделал вид, что не заметил моего присутствия, чего не скажешь о его любимой племяннице, немедленно ринувшейся в направлении моего столика.

Женщина, приняв облик гневной валькирии, шла с криво поджатыми пухлыми губами, демонстрируя неумолимость и привлекая к себе внимание богачей, смотрящих на нее с приоткрытыми ртами.

– Какой же вы негодяй, мистер Брандт! – тихонько воскликнула Анна сквозь зубы, пригрозив своим тонким пальчиком. – Дядя всю ночь провел в беспокойстве и в ожидании вас!

Прежде чем заговорить, я в растерянности переглянулся с Клаудией, пришедшей в недоумение от происходящего, ведь мы оба понимали, что в здешнем змеином гнезде следовало вести себя незаметно и очень тихо, чтобы не стать объектом сплетен и слухов напыщенных, богатых джентльменов и леди, обладающих значительным количеством свободного времени и позволяющих себе тратить его на обсуждения отдельных личностей.

– Миссис Гамильтон, приношу свои извинения по поводу нервных переживаний вашего дяди, – недовольно прошептал я, – но у меня нет желания продолжать начатое вами выяснение отношений.

Женщина стиснула маленькие кулачки, поняв мой недвусмысленный намек, сердито произнесла что-то на родном языке, скорее всего угрозы или оскорбительные слова, и уже тихо, едва переставляя ноги и стараясь не привлекать еще большего внимания, вернулась обратно к столу, где сидел мистер Мур, здоровающийся налево и направо.

– Сделаю вид, что этого инцидента не было и мое настроение не испорчено, – сказала мисс Дю Пьен, поднося к губам чашку со свежесваренным кофе.

– Неужели я не дождусь от вас иронических шуток и колкостей? Стареее, Клаудия.

– Все мы не молодеем, мистер Брандт. Эта женщина не похожа на вашу новую пассию, чтобы о ней спрашивать, да и вид у вас не настроен на мои бестолковые издевки.

– Ладно. Мы и так потеряли достаточно моего времени. Расскажите, что интересного вам удалось обнаружить на теле?

– У проститутки, кроме шейных порезов, нанесенных слева направо, имеется одна рваная рана на животе и четыре разреза на правом боку. Жертва не вырывалась, удар нанесли сзади и внезапно. Оружие, скорее всего, было не заточено. Возможно, тупой скальпель. Думаю, что стоит обратить внимание на хирургов, парикмахеров, мясников и на портных. Отсутствует клок волос, но в том месте уже есть небольшой пушок, значит, схватили ее за голову не вчера. На локтевом суставе имеется старый синяк. Все.

– Все? Нельзя было рассказать об этом вчера? Зачем вы намеренно притащили меня в местный серпентарий, зная о том, насколько тяжелым был мой последний год?

– Простите, мне просто хотелось побыть с вами подольше, поговорить, после долгой, вынужденной разлуки, – в смятении произнесла она, обхватив чашку двумя руками. – Все то время, пока мы не поддерживали общение, я бесконечно скучала, переживала за вашу жизнь, а вы бессердечно оставили меня полгода назад и даже не изъявили никакого желания сообщить о своем разводе и о скором отъезде из Лондона! Я же считала вас близким другом, почти старшим братом, мистер Брандт. Как вам было не стыдно так поступать со мной?

Я не решился ответить, и мисс Дю Пьен, не дождавшись взаимных слов в свою сторону, жалостливо посмотрела на Бенедикта, развлекающего своих младших детей и не обращающего внимание на старшую дочь и жену, после чего скривилась так, будто представила, что это ее отпрыски.

– Взгляните, Итан. Миссис Мур свою жизнь отдала уходу за детьми и их воспитанию. Все труды были напрасны, – тихо вздохнула женщина. – Двое скончались от холеры, Эбигейл медленно, но верно, теряет остатки рассудка, а Герман и Дакота просто слабы здоровьем. Когда я последний раз мельком видела растянутый живот Кэтрин, пока ей помогали застегивать корсет, и читала историю болезни, в моей голове все время появлялась мысль, что эта женщина рождена, чтобы родить. Потом такие личности винят детей во всех бедах.

– Вы до сих пор не поняли, что люди любят работать с последствиями, а не разбираться в причинах? – я скоро перебил женщину, не имея никакого желания принимать участие в обсуждении миссис Мур. – Не замечал за вами негативного отношения к детям.

От внутреннего, искреннего возмущения у Клаудии раздулись ноздри, она с силой сжала столовые приборы и впиалась в меня своим негодующим взглядом исподлобья.

– Совершенно не выношу детей своих многочисленных родственников и детей незнакомцев! – горячо прошипела врач. – Эти губы, искаженные в идиотической улыбке, вечно что-то требующие писклявые голоса, преследующие и выпрашивающие пару грошей, особенно в бедных районах. Дьяволята, пользующиеся своей ангельской внешностью и адскими криками для манипуляции взрослых людей!

– Не всем дано умение общаться с малышами. У меня, как и у вас, не получается. Но попрошу заметить, мисс Дю Пьен, в отличие от вас, я не позволяю себе вести беседы о своих замашках в месте, где в основном находятся одни семьи.

Клаудия замерла и вжала голову в плечи. Осознав, что громко произнесла много лишнего, она понемногу краснела от стыда и перестала глядеть по сторонам, концентрируя все свое внимание на тарелке с беконом, колбасой и вареными яйцами.

Заметив мою полупустую чашку, означавшую скорый конец бессмысленной встречи, женщина вновь попыталась заговорить:

– Приятно знать, что вас задерживаю только я.

– Отнюдь. Меня задерживал лишь мой кофе, – ответил я, делая последний глоток. – Заказанное вами блюдо превосходно, однако доводилось слышать, что в последнее время оно являлось причиной расстройства множества желудков. Удачного дня, Клаудия.

Я промокнул губы салфеткой, взял цилиндр с зонтом и поспешно собрался уходить.

– Мистер Брандт, вы же сейчас направитесь в рабочий дом? Не сочтите меня надоедливым человеком, но можно ли присоединиться к расследованию? – вместо слов прощания произнесла она. – Как раньше.

– Послушайте, вы до сих пор не поняли, что ваша персона мне неприятна? Вспомните, чем закончилось наше последнее времяпрепровождение? Мы разорились!

– Ваша Шарлотта разорила нас. Она была такой хитрой и непредсказуемой, что мы даже не сразу поняли, в чем дело.

– Не желаю слушать ни слова от вас в ее сторону, а тем более внимать полнейшую ложь. Наш разговор доставляет мне одни беспокойства, а работа с вами – настоящая мука.

Проходя мимо, я снисходительно похлопал ее по плечу, но остановился, когда услышал, что она вновь тихо позвала меня.

– Итан, даю слово, – приглушенно сказала Клаудия, развернувшись ко мне. – Больше не будет ни одного скверного слова про вашу бывшую жену.

– А еще?

– Прекращу излишне интересоваться делами других людей. Мистер Брандт, рядом со мной не осталось никого ближе вас. Я хочу, чтобы вы были снисходительны и дали мне возможность исправиться.

Выражая подлинные эмоции, она говорила без свойственного для нее высокомерия в голосе и совсем не пыталась скрыть, что сильно обеспокоена напряженными отношениями между нами. В любом случае, ее принятая позиция в возникшем вопросе выглядела весьма дружелюбной и готовой в первый раз в жизни взять на себя ответственность.

Также не стоило забывать – эта женщина одна из немногих, кто трепетно и добросовестно относился к своей работе, что очень помогло бы мне в расследовании.

– Ваша взяла, мисс Дю Пьен, – прищурившись сказал я. – Было бы довольно глупо отказываться от бесплатной помощи в тяжелый для меня период, тем более от человека, который был на месте преступления. Для начала я съезжу в Скотланд-Ярд, а вы отправитесь домой и переоденетесь. Исследовать трущобы в платье неудобно. Встретимся на мосту Ватерлоо сегодня около четырех часов дня.

Бесконечные тучи, накрывшие Лондон с начала сентября, поредели, давая выглянуть слабому солнечному свету, но теплее от этого не становилось. Серая хмарь повисла над городом, пропитав воздух приятной сыростью, а небо начало неотвратимо наполняться дождем.

Я раскрыл над собой зонт, боясь промокнуть, и замер в ожидании омнибуса, надеясь, что мисс Дю Пьен не выйдет раньше, чем он успеет приехать.

Прошло много времени, прежде чем я заскучал, сел на скамейку возле ресторана и стал нагло подслушивать скромную беседу двух седовласых мужчин, отдыхающих рядом. Они с неподдельным интересом обсуждали разные новости, пока один из них не поделился слухами о ночном убийстве в Уайтчепеле и о Викторе Абберлайне.

Я дернул уголок рта, поежился и поморщился, испытывая полнейшее недовольство от услышанного про отъявленную сволочь, изменившую всю мою жизнь всего за пару дней.

– Лорд Абберлайн – профессионал своего дела. Убийца скоро будет найден, – сказал мужчина, сидящий на другом конце скамейки, что вальяжно закинул ногу на ногу. – Не сомневайтесь.

– Он не нашел ваш украденный экипаж и отказал в возврате денег за не оказанную услугу, – ответил ему второй. – В вас не закрадываются сомнения по поводу его компетентности?

– Ни в коем случае! Есть люди, способные решать тяжкие нарушения закона, но полностью пасующие перед обычными преступлениями. Они упорно выискивают в, казалось бы, простом деле вещи, которые ставят их в затруднительное положение, и не замечают, что разгадка лежит на поверхности. Мне не жалко денег, если они идут на развитие безопасности в Лондоне.

Этот город обречен. Обречены и все те, кто с твердой уверенностью заявлял, что Виктор Абберлайн профессионал детективного сыска, не имеющий при этом никаких знаний и раскрывающий преступления исключительно с помощью многочисленной команды из своей конторы и денег своего богатого отца.

– Омнибус еще не приехал? – спросила меня вышедшая мисс Дю Пьен. – Подожду его вместе с вами.

Я откинулся на спинку скамейки и, почувствовав вновь начавшееся першение в горле, стал глухо кашлять, непрерывно хватаясь за грудь. После глубокого и протяжного вздоха легкие пронзила тягостная боль, но она была настолько кратковременной и мимолетной, что я не придавал ей особого значения и решил, что мне показалось.

Время, проведенное в ожидании транспорта, тянулось вечность, особенно под монотонный монолог мисс Дю Пьен о моем самочувствии и ее тревожном подозрении на проявляющийся у меня туберкулез. Самое противное – я хорошо понимал, что ее опасения не беспочвенны, но сейчас у меня не было ни времени, ни денег, ни желания проверять свое здоровье у врачей.

К счастью, договорить она не успела, потому что напротив нас остановился вычурный экипаж. Клаудия мгновенно замолчала, скрестила на груди руки, сдвинула брови, дерзко прищурился глаза, и подошла чуть ближе к транспорту, заинтересованно разглядывая в помутневших окнах лицо незнакомца.

Из открытой скрипучей дверцы сначала показалась позолоченная трость, а сразу же за ней длинный острый нос лорда Абберлайна. Завидев меня и мисс Дю Пьен, молодой человек удивленно замер, но, слегка помотав головой и поправив сползший набок цилиндр, все же собрал остатки смелости, а может быть, даже наглости, чтобы выйти к нам навстречу.

Хмурый юноша презрительно кивнул Клаудии в знак приветствия, выражая своим жеманным видом полное пренебрежение к ней, а затем, будто из чувства жалости, решил поздороваться со мной, пытаясь вызвать своим надменным лицом должное почтение.

– Здравствуйте, Итан. Уже не надеялся увидеть вас в городе! – насмешливо воскликнул он, протягивая руку в щегольской перчатке. – Как идут дела?

– До вашего приезда все было чудесно, – отстраненно ответил я, игнорируя приветственное рукопожатие. – Чем обязан таким радушием?

– Слов не подобрать, насколько временами вы бываете обворожительны. Вы в курсе про убийство в Уайтчепеле?

– Слышал, что вы взяли дело под контроль, не побывав на месте преступления и не пообщавшись с очевидцами. Неужели вы думаете, что найдете убийцу лишь по уликам болванов из полиции? Поистине, правду говорят – ваши способности достойны восхищения.

– Я не только найду преступника, но и лично разрешу людям растерзать его на месте.

– Посмотрите, мисс Дю Пьен, с какими кретинами нам приходится жить в одной стране, – сказал я, показывая рукой на Виктора. – Этот человек кричит на каждом углу про законы и порядок, а сам одобряет самосуд.

Несмотря на наш почти одинаковый рост, юноша всегда казался ниже из-за своей сторбленной спины. Появился подобный изъян от психологических проблем или от того, что лорд Абберлайн имел больной позвоночник, сказать трудно. Сам он не распространялся о причинах этого уродства и не любил, когда кто-то из леди или джентльменов упоминал о его неровной осанке.

Виктор неожиданно расправил узкие плечи, выгнул вперед грудь и настолько выпрямился, что его всегда беспричинно слезящиеся глаза оказались на уровне моих. От него исходила непоколебимая убежденность в значимости и превосходстве собственной персоны, поэтому молодой человек относился с насмешливым снисхождением к моим жалким попыткам противостоять ему.

Улыбаясь уголком рта, лорд Абберлайн испытующе следил за моим мечущимся взглядом, и я, не выдержав сильного давления, все-таки отвел глаза и отошел в сторону, понимая, что в данный момент не смогу бороться с юношей в полную силу.

– К несчастью, люди более охотно поверят мне. У вас был большой потенциал, мистер Брандт, превращенный в ставку и проигранный в покер, – разглагольствовал он, легонько ударив тростью по полям моего цилиндра, тут же слетевшего с головы в мутную лужу. – Чем же

теперь займется немощный безработный старик? Неужели начнет упорные поиски лестницы, что поможет ему подняться по карьере и вернет обратно к звездам?

– Тот, кто с усердием трудится, обычно по карьерной лестнице не поднимается. Предпочту дождаться лифт.

Мисс Дю Пьен, терпевшая и не нарушавшая клятвенное обещание, данное мне в ресторане, не смогла сдержать свой вспыльчивый характер, с силой ткнула сыщика в плечо и некультурно присоединилась к словесной перепалке:

– Вы отвратительны до дрожи в коленках, лорд Абберлайн! Склочный, алчный и развращенный человек! Настоящий джентльмен никогда не станет источником страданий для других людей!

– Позвольте сделать комплимент? – спросил Виктор, осмотрев Клаудию с ног до головы, и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Вам очень идут платья и корсеты.

Женщина вытаращила глаза и застыла с приоткрытым ртом от заставших врасплох лестных слов, будто ожидая повторения столь неправдивой и неожиданной фразы, ведь ей нечасто удавалось слышать любезности, и они вызывали у нее тревогу и оцепенение.

Мисс Дю Пьен всегда говорила, что знала о своей непривлекательности, и что сладкие речи обычно произносились, когда ее пытались использовать в личных целях, применяя для получения благосклонности совсем не чистосердечную похвалу, но из раза в раз она с угасающей надеждой в наивной душе надеялась, что комплимент был искренним и через пару минут непринужденной беседы ее не попросят вколоть яд неугодному человеку, дав взамен неплохое вознаграждение.

– Мое предложение все еще в силе, несмотря на то, что с последней нашей встречи прошло много времени, – томно произнес лорд Абберлайн, подмигнув женщине, чем сильно смутил ее. – Конечно, оно немного странновато, особенно, если учесть, что мы не работаем вместе.

– Я лучше опущусь на дно с мистером Брандтом, чем буду пировать с вами на вершине мира, – твердо ответила Клаудия и неистово махнула рукой. – Что бы вы там ни говорили, все ваши предложения мне неинтересны.

Внешний вид Виктора был уродлив, нелеп и полностью олицетворял его внутренний мир. Жидкие волосы цвета жженой соломы молодой человек прятал под цилиндром, который старался не снимать, а худощавое тело прикрывал объемной одеждой, пошитой на заказ из самых дорогих тканей. Борясь с тяжелыми испарениями от собственного тела и грязной кожи, он обливался кельнской водой, отчего простые люди, у которых не было проблем с обонянием, не могли стоять рядом с ним.

– Мне бы польстило наше объединение, Клаудия, – не унимался мелкий сыщик. – Этот угасающий старик не даст вам желаемой славы.

Женщина продолжала отмалчиваться, вероятно, думая, с какой стати человек, не уважающий ее до глубины души, вдруг стал таким приветливым и почтительным? А Виктор, как оказалось, не являлся последним дураком и иногда умел работать головой, не прибегая к помощи отца.

– У вас плохое мнение о мисс Дю Пьен, и выглядите вы очень жалко, – сказал я, останавливая жестом омнибус. – Думаете, раз она отличается от других женщин как внешне, так и внутренне, то вы сможете одурманить ее чарами и получить информацию об убийстве? Она умнейшая из всех, с кем меня сводила жизнь.

– Запомните, Итан, теперь Лондон находится под моей подошвой. Как бы вы вместе с Клаудией ни цеплялись за прошлое, с кем бы ни водили знакомства, вам уже ничто не поможет, – прошипел он, сердито сморщив лицо и плюнув женщине в ноги. – Меня, как и некоторых членов клуба, уже тошнит при виде ваших вездесущих лиц.

– В вас бурлит хмель мимолетной победы, – ответил я ему вслед. – После него обычно наступает похмелье.

Глава 4

Долгой поездка не была – выяснилось, что мой тощий кошелек остался в квартире, а в кармане лежало всего пара фартингов. Передать за проезд неучтивому кондуктору мне не представлялось возможным, поэтому пришлось сойти с омнибуса и идти пешком.

Холодные солнечные лучи отражались от стен домов, скользили по мерзлой земле, редкие деревья переокрасились в оранжевый, золотистый цвет, а их листья, словно монетки, были беспорядочно разбросаны под ногами и плотно облепили подошвы моих сапог. Совсем не успевая насладиться чудным днем, я быстрым шагом направлялся в Скотланд-Ярд и, вдыхая большими легкими прохладный, свежий воздух, восторженно поглядывал на яркий, голубой небосвод над собой.

Дворники не спеша подметали тротуарную брусчатку от мусора, сгребая все в кучи, которые через некоторое время разбрасывали нищие беспризорники, чем вызывали волну праведного возмущения, среди подметальщиков. Около некоторых магазинов и заведений стояли мужчины, иногда вместе с женщинами, обсуждая планы на день и новость об убитой проститутке.

Почему убийство обрело такой сильный резонанс – для меня остается неизвестным. Если бы его совершили где-нибудь в Вестминстере, можно было бы понять – район богатый, преступлений, кроме краж, практически нет, – но злодеяние было совершено в Уайтчепеле! В месте, где орудуют многочисленные синдикаты, действующие по принципу беззакония, и где чья-то смерть не является чем-то необыкновенным.

Видимо, после дурацких вопросов про погоду и унылых ответов друг другу людям стало нечего обсуждать, поэтому они принялись за новостные колонки.

Около таких малых групп всегда вкусно пахло табаком, и я, вдохнув этот сказочный аромат, почувствовал, как мои руки затряслись, нащупывая в кармане серебряный портсигар, и как спокойствие сменилось нарастающей паникой и мыслями о том, что нужно срочно закурить.

Перед глазами лежали три дешевые сигареты, но только я потянулся за одной, как сразу же неподвижно замер, остановив кисть. Разум прояснился, напомнив про мешающий удовольствию нескончаемый кашель, и я, поиграв от злости острыми желваками, захлопнул крышку коробочки, убрав ее обратно в карман.

Поговаривали, будто оттого, что я перестал много курить, в глазах у меня просвечивало что-то недоброе, а настроение сделалось крайне раздражительным, хотя каждый день, стараясь не переносить свои душевные терзания на этих пустословов, я боролся с уничтожающим мой рассудок иступлением.

До Скотланд-Ярда оставалось пройти пару улиц, и с каждым шагом я шел все медленнее.

Как же мне не хотелось видеть такие несчастные, до боли знакомые лица в этой проклятой штаб-квартире! За годы нашего неофициального сотрудничества в ней толком ничего не изменилось, не отреставрировали даже те трещины, о которых я напоминал бывшему комиссару полиции при каждой нашей встрече, что, по его мнению, делало меня нудным и всем попусту докучающим человеком. А мне просто было не все равно. Мне хотелось, чтобы полицейские, имея откровенно тупого начальника, хотя бы работали в нормальных условиях.

Миновав грязный проход под аркой, я заметил во дворе Скотланд-Ярда подтянутого сержанта, активно жестикулирующего и изредка повышающего голос на построившихся в шеренгу молодых констеблей.

– Какие же все-таки глупые шлемы они носят, – пробурчал я. – Прямо под стать себе.

Понаблюдав за бессмысленными усилиями сержанта и покачав головой от собственных воспоминаний о былых временах, я подошел к главному входу и почти коснулся дверной ручки, как вдруг меня позвал знакомый голос.

– Итан! Вот это да! – радостно воскликнул мужчина. – Ничего не слышал о вас почти год!
– Здравствуйте, мистер Кроуфорд, что у вас нового? – ответил я, фальшиво улыбнувшись. – Смогли после стольких лет сдать экзамен и стать сержантом? Поразительно.

Старый знакомый проигнорировал насмешку и начал расспрашивать про мои дела, намекая на мое возможное возвращение в Скотланд-Ярд.

Неужели я действительно так скверно выглядел, что у кого-то возникали мысли, будто у меня вновь появится намерение переступить обветшалый порог полицейского участка и надеть постыдную форму констебля?

– Слышал, вы развелись?

– Да, – ответил я, чувствуя, как мучительная тоска от вопроса Ричарда надорвала мое сердце. – К несчастью.

С горечью в голосе он выразил непритворное сожаление, а затем спросил, что подтолкнуло меня к посещению штаб-квартиры после продолжительного затишья. Услышав, что я жажду встречи с Томасом Гилбертом, мистер Кроуфорд изумился, но подробнее расспрашивать не счел нужным и изъявил желание провести меня до комиссара, недавно переехавшего в новый кабинет.

Зайдя первым в захламленный вещами Скотланд-Ярд, сержант поделился замечательной новостью о повышении жалованья, об увеличении количества людей, желающих вступить в ряды представителей закона, об уменьшении преступности и, самое главное, о вышестоящем начальстве, ставшем менее категоричным и требовательным.

Только вот, как бы Ричард ни обманывал самого себя, как бы ни пытался проделать это со мной, я повсеместно наблюдал выгоревших изнутри полицейских, в чьих глазах читались безразличное отвращение к собственной работе и страшное равнодушие к бедам приходящих граждан.

Здесь ничего не изменилось и не изменится ни при каких обстоятельствах. Скучная жизнь законников, как и моя, безрадостно проходила в вечных поисках и не имела других ценностей. Отличалась наша работа лишь в моем зыбком счастье, которое заключалось в свободном графике и в отсутствии начальства.

– Не только вы развелись в этом году, – сказал Ричард, поднимаясь на второй этаж по крутой лестнице. – Мистер Гилберт наконец-то расстался со своей старой горгульей и находится в скверном настроении.

– И Томас не устроил банкет по случаю? До сих пор в памяти позорившая его супруга, прибежавшая сюда и искавшая любовниц по всем углам, которых комиссар полиции прятал в других отделах.

– Если бы начальник не был противником женского образования и женился на достаточно просвещенной даме, то упомянутых вами событий мы бы не наблюдали.

Мистер Кроуфорд также добавил, что комиссар полиции носил темные вещи, выглядел задумчивым и не слишком разговорчивым, но мне было полностью наплевать на его душевное состояние. Присутствовало лишь невероятное желание посмотреть на Томаса, хранящего молчание и слушающего, обыкновенно умеющего красиво отводить от сути беседы бесплодной болтовней.

Ричард остановился на последней ступеньке.

Я аккуратно выглянул из-за его плеча и увидел, как с самого конца коридора к нам, наполняя пустоту стуком каблуков, шел недовольный инспектор. Это был коренастый усатый мужчина с увесистым портфелем в руках, наполненным важными документами, периодически выпадающими на пол. Каждые несколько шагов полицейский недовольно пыхтел и кряхтел, наклоняясь за вывалившимися бумагами.

– Мистер Кроуфорд, вы выполнили мои поручения? – сердито обратился он, едва миновав середину коридора. – Дали констеблям маршруты патрулирования?

– Да, – пролепетал сержант, сжавшись от страха.

– Я наблюдал за вами через окно, – ответил мужчина и крепко сжал кожаный ремешок портфеля. – Расставить констеблей в шеренгу – не есть выполнение требований! Разберитесь, почему они все еще бесполезно проводят время, находясь около штаб-квартиры, а не патрулируют улицы. Возьмите у меня портфель, разложите скопившиеся документы и уберите их подальше от моих глаз.

Ричард, не скрывая презрения к своему начальнику, поклонился на прощание, убежал вниз и даже не потрудился довести меня до кабинета комиссара полиции.

Инспектор осмотрел меня с ног до головы и, не меняя спесивого тона, сказал, что проход на второй этаж для гражданских запрещен.

– Мне нужно немедленно увидеть мистера Гилберта, – сказал я и выставил зонт, не давая мужчине пройти дальше. – Где можно с ним пообщаться? Это касается Энни О’Ши. Мое имя Итан Брандт, я частный детектив.

Мужчина раздраженно закатил глаза, показывая рукой на коридор, как бы позволяя мне идти впереди него, а после забубнил себе под нос о том, как он устал быть проводником для поклонников бульварного чтива про посредственных сыщиков.

Вот и причина безоговорочной уверенности лорда Абберлайна. Его величественная фигура не видела воочию Энни, но времени зря не теряла и посетила Томаса, владеющего минимальной информацией об убийстве, которую Виктор распространял в газетах, выдавая услышанное за свои наблюдения. Это удобно, ведь ни мне и никому другому никто не поверит, что малолетней дряни в ту ночь не было в Уайтчепеле.

Инспектор неуверенно постучал в дверь, на которой висела позолоченная табличка с выгравированным именем комиссара полиции, затем робко доложил о моем приходе и разрешил зайти.

– Вы тоже по поводу ночного убийства в Уайтчепеле? – монотонно поинтересовался мужчина в возрасте, стоя спиной ко мне напротив шкафа.

– Во-первых, примите сожаления о вашем разводе, – ответил я. – Во-вторых...

– Когда в вас появилось чувство соперничества, мистер Брандт? – перебил он меня. – Последний раз приходилось слышать о вас, когда вы, покинув Лондон и отправившись пожить некоторое время в Лестере, прилюдно обвинили популярного в том городе предпринимателя-текстильщика, перейдя дорогу его покровителям, пытавшимся защитить мужчину от суда. Знаете, что стало с семьей осужденного?

– Мне глубоко наплевать. Чтоб вы знали: заказчиком на устранение текстильщика был как раз один из его покровителей. В мои обязанности входило провести расследование, а после получить за него деньги. Мужчина был лишен свободы по решению суда. Грош цена такому сердечному комиссару полиции, при котором уровень преступности возрос за последние несколько лет. Тем более, мистер Гилберт, вы же знаете кто я и с какой целью лорд Олсуфьев пригласил меня в клуб много лет назад.

– Что же вы не остались в Лестере, если вас приняли те господа?

– Никто меня не принимал. Случайная подработка.

Будто не веря своим ушам, мистер Гилберт усмехнулся над моим ответом, продолжая перелистывать страницы одного из дел и стоять напротив высокого шкафа, наполненного папками с деловыми надписями и бутылками дорогого алкоголя.

В кабинете мужчины все стояло на своем месте: ни лишней книги, ни клочка бумаги, ни единой царапины на паркете, в отличии от хаоса, творившегося в Скотланд-Ярде.

Томас был полноватым мужчиной с квадратным лицом, спрятанным под густой черной подстриженной бородой и гусарскими усами. На нем всегда была маска доброты и подлинного подвижника за справедливость и исполнение законов, которые он сам очень часто нарушал, о чем знал весь город. С другой стороны, чтобы что-то заработать, нужно что-то нарушить – это

я усвоил давным-давно и отчасти понимал, чем комиссар полиции руководствовался в своих поступках.

Взяв документы, он захлопнул дверцы и направился за длинный стол, находящийся прямо в центре кабинета, но остановился, беспардонно разглядывая меня.

– Мистер Брандт, что с вами? – слегка обеспокоенно спросил Томас. – Вы похудели и стали бледны. Выглядите так, будто начали баловаться наркотиками.

– Может и начал, но вас это не должно беспокоить. С вашего согласия Виктор распространяет информацию о смерти женщины в Уайтчепеле?

– Боже правый, по вашему мнению, мне заняться нечем, кроме как писать газетные колонки с лордом Абберлайном для змей из типографий? Будь он проклят вместе со своим папашей, вот что я вам скажу!

Мужчина откинулся на спинку кресла, которое отозвалось жалобным скрипом. Услышав знакомый звук, я мгновенно перенесся на десять лет назад, когда только-только поступал на службу, благословляя эту работу. Хорошо, что мои мечты быстро разбились о мрачную реальность, заставив навсегда покинуть это чистилище.

Ощувив усталость с тяжестью в ногах, я подошел к столу и, пыхтя, присел на бархатный стул напротив Томаса. В последнее время у меня не хватает сил даже на то, чтобы грациозно и ровно держать спину, и если бы не мой туго затянутый черный жилет-корсет, ходить мне сгорбленным, как Виктор Абберлайн.

– Расследование из отдела Н передали нам. Я отправил нескольких констеблей к тем, кто нарушал порядок, недавно вышел из тюрьмы или из психиатрической больницы. Но я сказал лорду Абберлайну и вам скажу – женщину прирезала местная банда братьев Бисли или те, на кого она работала, – произнес Томас, поглаживая рукой свою подстриженную бороду. – Дело закрыто. Если завтра там найдут кого-нибудь с пулей в голове, вы с Виктором снова заявитесь сюда? Итан, друг мой, помните – в Уайтчепеле свои правила игры, которые полиция пока что не может изменить.

– Неужели развод так повлиял на ваш рассудок, мистер Гилберт? Придется напомнить, что те местные маргиналы убивают ради грабежа и только ради него. Все вещи Энни О’Ши лежали нетронутыми в сумочке. Или вы считаете, будто у бандитов теперь не в почете воровать ценности и деньги, ведь дороже продать органы на черном рынке в медицинские университеты? Может, патрульным стоило бы почаще бить дубинками членов синдикатов, а не измученных работяг? Ах да, я совсем запамятовал. Рабочие ведь не могут платить ежемесячные поборы, дающие покровительство комиссара полиции.

– Бред сумасшедшего! – воскликнул Томас, чье лицо мгновенно покраснело. – Мистер Брандт, не в моих интересах возвращаться на несколько столетий назад, когда избивали всех, кто попадался под руку, но люди понимают только тот язык, на котором они общаются сами. Они ведут себя как стадо баранов, и именно так обращаются с ними мои подчиненные.

– Тогда можно вас ударить? – поинтересовался я и взял в руку чернильницу. – Хотя бы вот этим.

Томас вопросительно приподнял бровь, пока я, вставая со стула и нависая над ним, продолжал:

– Раз вы ведете себя, как недалекий мужчина, позвольте этим предметом вбить вам в совершенно тупую голову, что банда братьев Бисли никогда не убивает людей просто так! Слышите? Никогда!

– Много ли в Уайтчепеле синдикатов? Думаете, братья Бисли одни заправляют всем районом? Мистер Брандт, у вас проблемы с принятием существования несовершенного результата в делах. Вы стали слишком требовательны к окружающим. Прежде чем строить теории, осуждать чье-то мнение и умозаключение, обратитесь к сути вещей.

Несмотря на мою вспыльчивость, внутри я был спокоен, как никогда раньше, и ехидно усмехался над тем фактом, что смог довести мистера Гилберта до состояния крайней степени недовольства.

Мужчина нервно крутил в руках перо, его глаза бегали, и всем своим видом он выражал желание скорее закончить нашу беседу.

Томас сильно заблуждался, считая себя добрым и честным, ведь лицемерный, тщеславный и жадный человек, который умудрялся вытворять такие вещи, от которых приходилось держать ухо в остро, не мог быть добрым и честным.

– Зачем только господь вернул вас обратно в Лондон, нарушив наш покой? – проворчал комиссар полиции.

– Время подняться с колен и начать все сначала, – ответил я, поправляя перчатки. – Не сделайте из преступника легенду, как когда-то сделали легендой Джека-Прыгуна.

– Ничего вам не обещаю. Полиция не всевидящая и не всезнающая. Мы работаем на фактах и уликах. Легенд из убийц делают газеты, – буркнул он, устало протерев руками лицо. – Что конкретно заставило вас прийти сюда?

– Говорят, что констебли поймали мистера Мориссона. Я желаю поговорить с ним.

– Кожаный Фартук... Около пяти утра он совершил нападение на женщину рядом с пабом. Патрульные разняли их и на всякий случай доставили мужчину сюда. Дамы внутри заведения сказали, что Энни О'Ши недавно жаловалась на мистера Мориссона и обвиняла в побоях, – сказал Томас и стал делать самокрутку. – Джеймс сейчас в допросной, но на диалог не идет.

– Вообще не разговаривает?

– Не знаю, но наши детективы рассказали мне, что видели, как раскрасневшийся Виктор выбежал из допросной с заплаканными глазами. Наверняка услышал о себе много приятных слов, жаль, что их сказал не я, – ответил комиссар полиции и полез за чем-то в ящик стола. – Принесли вашу случайную фотографию с места преступления. Заберите, у меня нет лишней фоторамки и места на столе.

Еще раз выразив сожаление Томасу по поводу его развода, я отправился на первый этаж, в допросную.

Она находилась в самом конце коридора, полностью заваленного книгами, бумагами, одеждой, седлами и упряжками. Бардак здесь случился из-за того, что старая штаб-квартира совершенно не соответствовала своему времени, а отделов в ней появилось катастрофически много.

Около допросной, между входом в нее с одной стороны и решеткой с другой, как и раньше, сидел мой знакомый, с которым мы особо не разговаривали. Широко расставив ноги и склонившись над ними, мужчина почти всегда дремал, хотя старался делать вид, что следил за людьми, доставленными в штаб-квартиру и заточенными в клетку с левой стороны от него.

Я попросил привести Джеймса Мориссона в полупустое серое помещение с тусклым светом, где неизменно стояли единственный покосившийся шкаф с забытыми делами, покрытыми плотным слоем пыли, стол и пара невозможно неудобных стульев. Лучшее место с недружелюбной обстановкой, угнетающей общее состояние пойманного подозреваемого.

Пока я справлялся с появившейся отдышкой, полицейский с силой втолкнул в допросную закованного в наручники мистера Мориссона, махнул рукой, зевнул и молча вышел. Не будет ничего странного в том, что он продолжит сидеть в позе мыслителя, когда я закончу опрашивать Джеймса.

– Ты – полицейская ищейка! – воскликнул подозреваемый, плюнув на пол. – Нечестивый пес!

– Зачем же начинать разговор с личных оскорблений? Не полицейская, а частная.

Неопрятный мужчина имел серое лицо со впалыми от недоедания щеками, потертую одежду, глубокие шрамы на лице, красноватый рубец от ожога на шее, который скрывал неизвестную татуировку, похожую на знак какой-то банды, желтого цвета ногти, легкую нервозность и голос, какой имеют заядлые курильщики.

– Вы терроризируете проституток? – спросил я.

– И что?

– Вас не волнует, что газеты окрестили вас убийцей?

– И что?

– Они используют еврейские стереотипы.

– И что?

Тогда я понял, что имел в виду комиссар под словами: «Сходите сами». К арестованным вроде мистера Мориссона нужен определенный подход, и если мужчина находился здесь с раннего утра, то, скорее всего, хотел курить.

– Жаль, что вам неинтересно работать с полицией, – сказал я, вытаскивая портсигар. – Подумайте над тем, что никто из Скотланд-Ярда не будет досконально разбираться в чьей-то причастности к убийству и предъявит обвинения вам.

– У вас есть сигареты? Дадите?..

– Здесь категорически запрещено курить, – ответил я, открывая заветную коробочку. – Но если вы не будете молчать, то получите мое персональное разрешение.

Джеймс долго размышлял, пронзая взглядом желанный портсигар в моих руках. Ломка курильщика – страшная вещь, которая обязательно победит, если человек не переключится на что-то более ценное и важное в его жизни.

– Что вы хотите узнать? – спросил он, затягиваясь. – Я по национальности еврей, работаю кожевником, в день убийства помогал соседке по дому с одеждой.

– Она может подтвердить это?

– Конечно, – спокойно и уверенно отвечал Джеймс. – Эмилия, ее муж и тетка видели меня. Я был у них в комнате и провозился с вещами до двенадцати ночи, а затем пошел к себе домой.

– Почему вас называют «Кожаным Фартуком»? Откуда такая неприязнь к падшим женщинам?

Тоскливо наблюдая за сигаретой, дотлевающей между тонких губ мужчины, я старался часто и глубоко не дышать, чтобы вновь не начать кашлять.

– Ношу фартук, использую острые лезвия, – ответил он и, пожав плечами, потушил окурок о стол. – Я не убийца. Эти продажные девки почти всегда не оплачивали мою работу, а когда мне пришлось брать залог, то они пустили слухи, что я женоненавистник! Согнать бы их всех в один амбар и...

– Не высказывайте свои желания в Скотланд-Ярде, а не то заработаете еще несколько статей. Это не вы ругались накануне с Энни около склада в Уайтчепеле?

– Она попросила сделать ей перчатки, – задумчиво произнес Джеймс, стуча кончиками пальцев по столу. – В итоге, когда я объявил ей цену, эта мерзавка решила их украсть и получила от меня по шее. Через пару дней я перепродал их все той же Эмилии. Девушка живет на Коммерческой дороге, работает продавщицей. Те женщины, выбежавшие из паба, и кричавшие полицейским, что смерть О'Ши на моей совести, со злости пытаются отомстить мне. Не думаю, что они даже знали ее.

– Если полиция не найдет достаточных оснований для вашего дальнейшего задержания, то вас отпустят.

Я встал из-за стола и накинул на плечи пальто, собираясь уходить.

– Знаете, кого вам стоит проверить? – сказал мистер Мориссон. – Около старого порта Доклендс, недалеко от клиники абортюв, находится парикмахерская. Там работает Райан Фиц-

джеральд. Он частый пациент Бедлама, живет с трупом сестры, которую убил, узнав, что она зарабатывала на жизнь проституцией. Я был свидетелем, когда Райан заявился в бордель, бегал по нему и кричал проклятия в сторону всех женщин, находившихся внутри.

– Хм, спасибо. Учту. Всего вам доброго.

Напоследок Джеймс переспросил меня, правда ли, что газеты окрестили его убийцей, и, получив утвердительный ответ, погрузился в раздумья.

Я не стал спрашивать, с какой целью он этим так заинтересовался, лишь поблагодарил его за полученную информацию, отдал последние две сигареты в знак признательности и вышел из допросной.

Глава 5

Прошло больше оговоренного времени, и я надеялся, что разгневанная мисс Дю Пьен не сбросит меня в грязные, темные воды Темзы из-за опоздания. Она терпеть не могла тех, кто задерживался, сама всегда приходила намного раньше и, ожидая человека, сердито следила за временем.

Я потратил около часа на подтверждение алиби мистера Моррисона – единственная женщина, которая могла это сделать, отказывалась давать показания. Спустя долгие уговоры она призналась, что не хотела говорить правду назло мужчине из-за повышенных цен и залога для дам, занимающихся коммерцией в сфере похоти и разврата.

Вскоре мне удалось отыскать парикмахерскую Райана Фицджеральда на углу, вероятно, самого покосившегося дома в этом районе.

Перед входом заботливо лежал кусок фанеры, пропитанный местными отходами, кривые двери кто-то недавно покрасил свежим слоем краски болотного цвета, а окна были плотно покрыты копотью с недалекой фабрики, и подсмотреть за тем, что происходило внутри, не было никакой возможности.

С помощью зонта я открыл дверь, чтобы не касаться пальцами дверных ручек, имеющих на себе болезней больше, чем черная вода великой Темзы в те времена, когда в нее выходила городская канализация. К счастью, в год моего рождения, видя, как лондонцы падали замертво от зловонного смрада, члены Палаты общин, устав держать у носа салфетки с розовой водой, выделили деньги на борьбу с вонью, хотя река от этого чище не стала. Так говорил мой отец.

В парикмахерской присутствовали двое мужчин, один из которых ровно сидел на стуле и смотрел в отколотый кусок зеркала, а второй старательно его брил. Они не обратили на меня внимания, продолжая шушукаться о чем-то своем, чем я воспользовался и принялся рассматривать мрачную обстановку помещения, веющего полной безнадежностью.

Все вокруг тяготило: отсутствие плитки на полу в некоторых местах, черная плесень на стенах с синей пахучей краской, целые залежи древней пыли, покрывшей все вещи, и залатанные занавески с чернильными пятнами, не дающие блеклому уличному свету проникнуть сквозь мутные окна. Отдельно я бы выделил тошнотворный смрад во всей парикмахерской, и до такой степени будоражащий обоняние, что я едва не потерял сознание.

– Райан, когда ты уже достойно похоронишь Хелен? – спокойно спросил посетитель. – Запах с каждым разом становится все хуже.

– Она хочет всегда оставаться со мной, – ответил парикмахер. – Запах здесь такой из-за соседнего паба.

– Там подпольный морг или что?

Мистер Фицджеральд пожал плечами, но руки у него отчего-то задрожали, и он случайно поранил мужчину.

– Однажды за тобой придут и снова упекут в больницу к душевнобольным, – продолжал клиент. – Уайтчепел обрастает слухами, как вчера...

– Нет! – закричал мистер Фицджеральд, отбросив лезвие в сторону и жалобно скривив лицо. – Я не убийца! Меня больше не заберут в Бедлам!

Схватившись за остатки своих волос на голове, парикмахер бросился за занавеску, расположенную в другом конце помещения. Там находилась еще одна комната.

Раненый клиент покачал головой, стер пальцами выступившую кровь на обритом затылке, бросил несколько монет в вазочку на столе в знак оплаты и вышел на улицу.

Я предположил, что этот джентльмен был хорошо знаком с Райаном, поэтому решил последовать за ним и подробно расспросить о нестабильной личности мистера Фицджеральда.

Мужчина прислонился плечом к дому, как будто специально ждал моего выхода, и вертел в руках плоскую дырявую шапку.

– Вы, наверно, представитель закона или частного расследования? – поинтересовался он, надевая кепку на голову. – Здесь никто не ходит в такой дорогой одежде.

– Частный детектив. Что расскажете о мистере Фицджеральде?

– Райана знаю давно, с тех пор, как он потратился на эту дыру, – ответил мужчина и постучал ладонью по стене здания. – Стрижет неплохо, жаль, что имеет проблемы с башкой. Из-за нее он несколько раз лечился в Бедламе, но всегда сбегал оттуда.

– И, как обычно, всем все равно на то, что по улице ходит неуравновешенный человек. Отрадно слышать, что в столице ничего не меняется.

– Больше скажу – там, куда он сейчас убежал, лежит мумия в тряпках, с которой он часто разговаривает. Полиция уже не раз видела ее, но она все еще на месте. Райан в последние месяцы ведет себя очень странно. Все время ходит по ночам куда-то к Доклендсу, перестал бурно реагировать на выкрики из паба, почти не работает, при этом деньги на новые инструменты у него откуда-то появились.

– Вы упомянули некую Хелен. Она его сестра?

– Да. Он напал на нее с ножом несколько лет назад, но не убил, после чего был отправлен в Бедлам. Райан вышел оттуда совсем обезумевшим и спустя пару недель зарезал Хелен. Его нашли рыдавшим над ней и сжимавшим в руке нож, после чего снова отправили на лечение.

– Как считаете, почему люди распускают слухи о его причастности к убийству?

– Вы его морду видели? Вся в сыпи от сифилиса, нос начало разъедать. Он считает, что в болячках виноваты проститутки, поэтому шляется по всем пабам, борделям и постоянно всех запугивает, – усмехнулся незнакомец и помахал кому-то за моей спиной. – Извините, хочу успеть опрокинуть пару стаканов перед работой.

После разговора я вернулся обратно в парикмахерскую, случайно наступив на брошенный Райаном инструмент, лежащий у дырявой шторки, прикрывающей дверь, за которой он скрылся.

Я несколько удивился, когда увидел, что все это время мистер Фицджеральд использовал не бритву, а складной ланцет мисс Дю Пьен. И хотя женщина не сообщила мне о пропаже – это было действительно ее хирургическое приспособление, с четко выведенными инициалами имени и фамилии на деревянной рукоятке.

Завернув инструмент в чистый носовой платок, я положил его во внутренний карман пальто и подошел к двери.

Из зазоров веяла обожаемая мною прохлада, доносящая непреодолимый ужас перед душевнобольным человеком и создающая ощущение присутствия в старом склепе, а не в парикмахерской на оживленной улице.

– Мистер Фицджеральд, мое имя Итан... – начал представляться я, заходя внутрь, но тут же потерял дар речи, выдавив из себя лишь: – Фу, боже...

Не переставая поправлять короткий рукав рубашки, скрывающий шрам на запястье, молодой человек с накинутой на плечи форменной курткой фонарщика сидел около кровати, где под дурно пахнущим пододеяльником с засохшими черно-зелеными разводами лежало бездыханное тело, чья обезображенная, полусгнившая рука, которую держал Райан, была открыта взору. Сам мистер Фицджеральд что-то шептал, не сводя глаз с места, где должна была быть голова.

– ...Брандт, частный детектив, – продолжил я, медленно проходя и осматриваясь вокруг, – мне нужно побеседовать с вами по поводу убийства Энни О'Ши, произошедшего вчера ночью.

По всей комнате были разбросаны мятые рецепты с названиями лекарств, опустошенные бутылки, схемы, стекла, хрустящие под ногами, и разорванные в клочья письма. Стены,

в засохшей крови и подтеках под потолком от чего-то жидкого, мужчина изуродовал бессвязными надписями, не несущими в себе никакого логического смысла. Около кровати находился стол, принесенный с помойной кучи – по крайней мере, он так выглядел, – с большим мокрым пятном, затекшим под древнюю печатную машинку с оторванным куском бумаги в пюпитре. В косяке двери торчал не до конца забитый гвоздь, с висящим на нем небольшим кусочком темно-синей ткани.

За всю свою карьеру я имел дело со многими людьми, страдавшими психическими расстройствами, и из раза в раз мысленно желал, чтобы недалеко была карета с медицинским персоналом из ближайшей больницы для душевнобольных. Как допустили, что подобный член общества, потерявший рассудок, смог сбежать на свободу? Почему его не заперли в самой дальней тюремной камере, как представляющего опасность для жизни граждан? История выглядит настолько нелепо, что невольно заставляет относиться к ней несерьезно и презирать работу полиции.

– Хелен считает вас опасным, – прошептал Райан, слегка покачиваясь. – Она не хочет, чтобы я говорил.

– Боюсь, что ваша сестра давно утратила способность чего-то хотеть, – сказал я, подходя поближе к печатной машинке. – Если вы ответите на мои вопросы, полицейские не придут сюда второй раз.

– Они не приходили сегодня. Меня все утро не было дома. Я помогал местному меценату с перевозкой вещей для бедняков.

– Этого, конечно, никто подтвердить не сможет, – ответил я, проведя пальцем по настенному светильнику у кровати. – А вчера никуда не выходили?

– Что значит: «не сможет»?! Спросите тех, кому были доставлены вещи! Проваливайте, я не знаю никакой Энни О’Ши и больше ничем не могу вам помочь!

– Нет, можете. Сегодня у меня нет настроения слушать очередное вранье очередного подозреваемого, поэтому отвечайте, пожалуйста, коротко и правдиво. Почему вы прятались на втором этаже от полиции?

– Здесь нет прохода на второй этаж.

– По хорошему вы не хотите, – протяжно выдохнул я, после чего убрал руки за спину, сжал зонт и продолжил: – Вас мучает тревожность, проходящая только после употребления большого количества барбитурата, пустые банки из-под которого разбросаны по всей комнате. Сегодня утром вы сидели за печатной машинкой и пили лекарство. Когда вы услышали стук в дверь неожиданно прибывших полицейских, то в спешке неудачно попытались оторвать напечатанное письмо и случайно задели локтем открытый пузырек, стоявший рядом. Затем, судя по грязным отпечаткам ваших ботинок, испачканных в луже нечистот перед входом в парикмахерскую, вы подбежали к светильнику у кровати, повернули его не в первый раз, судя по царапинам на обоях, и полезли на второй этаж. Замените напольные доски, две потертости от лестницы в виде полосок выдают ваши секреты.

Райан растерялся, свел брови, плотно сжал губы, а после повторил:

– Ко мне не приходила полиция.

Я усмехнулся, медленно помотал головой, подошел ко входу в его комнату и снял с гвоздя в дверном косяке кусочек синей ткани от мундира.

– Мне посчастливилось побывать в Скотланд-Ярде и узнать, что мистер Гилберт сегодня отправил полицейских обойти личностей, страдающих психическими отклонениями или недавно имевших дело с законом. Откуда у вас складной ланцет? Практикуете кровопускание или вскрываете гнойники на затылках у клиентов за дополнительную плату?

– Да вот... – пробурчал подозреваемый, открывая новую бутылку барбитурата. – Позавчера нашел у себя саквояж на втором этаже. В нем лежала только эта железка. Сталь у нее хороша. Я решил оставить себе.

Пока мистер Фицджеральд давал объяснения, я сравнивал ранее полученное письмо с обрывком из печатной машинки на предмет яркости чернил, качества бумаги и наличия дефектов, но, как выяснилось, механическое устройство Райана было исправно и не выдавало при печати двойных букв.

Я предложил мужчине подняться на второй этаж и осмотреть его.

– Все было хорошо, пока моя сестра не стала заниматься проституцией, – прошептал парикмахер, залезая по лестнице с зажженной свечой в руке. – Как видите, детектив, тут все самое нужное. Люди приносят мне старые вещи, продукты. Иногда сам что-то интересное нахожу на помойке, а потом складываю здесь.

– Кхе... сколько же мусора! – прохрипел я, закрывая нос шарфом и пытаюсь удержать в себе утренний кофе. – Вот откуда разводы по стенам.

Достав спички из набедренной сумки, я поджег несколько сальных свечей в подсвечниках на полу, испорченных коррозией, и начал аккуратно открывать зонтиком запыленные коробки, захваченные черной плесенью, пока повсюду шуршали черные тараканы, крысы, а на полу, среди окурков, извивалось множество разных личинок и других насекомых, вызывающих дрожь омерзения.

На втором этаже находились промокшие, не используемые тома классики, аккуратно сложенные в стопку и покрытые несмываемым слоем грязи. Лишь одна-единственная книга, автором которой был Антон Франческо Дони, выглядела опрятно и лежала поодаль от других испорченных произведений.

Несмотря на такое внушительное количество литературы, парикмахер сказал, что ни разу не читал ни одной принесенной книги.

Я бросил быстрый взгляд на пол и тут же присел на корточки, рассматривая хорошо различимые следы хромого человека, наступившего в краску. По размеру они были чуть больше, чем множество беспокойных отпечатков подошвы мистера Фицджеральда.

На мой вопрос, живет ли здесь еще кто-то, Райан рассмеялся, обозвав меня до крайности мнительным человеком, и, уклонившись от ответа, заверил, что все следы принадлежат ему.

– Будьте любезны, принесите найденный вами саквояж, – попросил я. – Заберу его с собой.

Улучив момент, пока мужчина был занят поисками, я по его грязным, свежим следам дошел до конца комнаты и увидел небольшой зазор между коробками, в который Райан мог поместиться и в котором лежал коробок открытых популярных спичек вместе с клочком обгоревшего, оторванного письма.

Спрятав ее в карман, я вернулся к мистру Фицджеральду, копающемуся в отжившем хламе, коснулся его концом зонтика, чтобы обратить на себя внимание, а затем спросил:

– При каких обстоятельствах у вас появилась врачебная сумка на втором этаже?

– А? – растерянно переспросил он, отвлекшись от поисков и подняв голову. – Не помню. Отдали? Или я сам принес?..

Мужчина залез в соседнюю коробку, достал оттуда скукоженный саквояж мисс Дю Пьен, уронил его и неподвижно застыл в бессознательном состоянии, зафиксировав свой безумный взгляд на мне.

Я невольно поежился, обошел Райана кругом несколько раз, помахал рукой у его лица, позвал по имени, но парикмахер не приходил в себя, и казалось, что умер стоя.

В затянувшейся тишине прошла минута-другая, и вот он очнулся, расправил плечи, помял трясущимися кистями виски, вытер выступивший под глазами пот, потом совершенно обыденным тоном сказал:

– Так-так, где же эта штука...

– Часто у вас такие приступы? – поинтересовался я, поднимая с пола саквояж. – Признаюсь, ваше состояние выглядит пугающе.

– В последнее время – да, – промямлил он, продолжая копаться в коробках, совсем забыв про то, что уже давно нашел сумку. – Пустота непонятная, все замедляется, остается только отдаленное эхо. Какой сегодня день?

– Третье октября. День памяти великомученика Евстафия Плакиды. Теряетесь во времени?

– Когда припадки заканчиваются, кажется, будто все, что было до них, осталось во вчерашнем дне.

– Что вы делали вчера вечером?

– Встречался с информатором Гончих, отдавал долг, затем пришел домой и лег спать. Была примерно половина одиннадцатого ночи. Перед этим меня затащили в соседний паб и избили, – глухим, осипшим от волнения голосом ответил Райан и задрал свитер до груди, обнажив синие гематомы на животе. – Можете там спросить. Бобби обмолвились, что ту женщину убили с девяти до десяти вечера, поэтому преступник точно не я.

– Вы подрабатываете фонарщиком?

– Есть такое дело. Включаю фонари в Уайтчепеле, подвергаю себя, правда, постоянной опасности. Тут довольно спокойно.

– На улице, где убили мисс О’Ши, освещение было выключено.

Невменяемый мистер Фицджеральд вновь остолбенел, раскрыл глаза еще шире, чем до этого, и, внезапно бросив в меня толстой книгой, в ужасе завизжал:

– Вы кто такой?! Что вы делаете в моей парикмахерской?!

– Пожалуй, схожу, проверю ваше алиби, – произнес я, отбиваясь от летящего в мою сторону твердого тома. – Всего доброго! Встретимся в следующий раз в присутствии врачей.

– Кто вас пустил сюда?! – возмущенно послышалось мне вслед. – Мне позвать констеблей!?

По моим наблюдениям, у мистера Фицджеральда прослеживалось раздвоение личности. Профессия позволяла ему иметь навыки обращения с режущими предметами, и, зная об имеющихся у него ланцете, ненависти к падшим женщинам и приступах беспамятства, можно было бы прямо сейчас отыскать ближайших патрульных и увезти его в Скотланд-Ярд – именно так бы сделал мистер Гилберт, чего не скажешь обо мне.

Райна избили в соседнем пабе, куда его последний клиент зашел выпить спиртного. Небольшой паб имел скромную террасу с парочкой самодельных столиков и с пузатыми бочками вместо стульев, на которых сидело трое молодых людей, занятых игрой в карты на деньги. Они являлись шулерами, и каждый из них имел под одеждой специальный аппарат, подающий карты из спрятанной под одеждой колоды.

Присмотревшись повнимательнее, я заметил у одного парня вылезавший шнур из-под рубахи на спине, у второго выглядывающую наполовину колоду из-под рукава, а у третьего отсутствующие навыки скрытной подмены карт. Все это выглядело со стороны очень подозрительно и больше напоминало игру новичков, но, к слову сказать, и сами игроки были достаточно молоды для того, чтобы уметь проворачивать махинации заядлых картежников из местных банд или сливок общества, вроде членов клуба лорда Олсуфьева.

– Джентльмены, я частный детектив. Правду говорят, что вчера вечером здесь избили мужчину из соседней парикмахерской?

– Ха, парни! – задорно воскликнул самый большой и широкий из них. – Этот соплик пожаловался! Говорил же вам – надо было ему ноги переломать. Тьфу!

Местных жуликов всегда можно было разговорить посредством небольшого вознаграждения, поэтому я бросил молодым людям на стол последние фарфинги, попросив рассказать, за что избили Райана, но, к моему изумлению, они сильно оскорбились и категорически отказались от монет. Странные люди. Делать ничего не умеют, но и денег не просят. Обычно бывает наоборот.

– Фицджеральд вчера со второй половины дня шатался по кварталу, как призрак, с каким-то подозрительно недешевым саквояжем в руках, и мозолил нам глаза. Он кого-то искал, – сказал молодой человек, чья кепка съехала набок. – Вечером мы с парнями решили поинтересоваться, откуда у него такая сумка, на что этот псих ответил, мол, не наше это дело. Ну, а потом мы его побили и отобрали сумку. Только там ничего не было. Райан часто сам не свой ходит, словно другой человек. Все время боится, что бобби заберут его в Бедлам за засохшее, не похороненное тело в каморке. Только полиции и по сей день наплевать, ведь это так повседневно и обыденно – держать мумию в своей комнате.

– Как саквояж снова оказался у мистера Фицджеральда?

– Мы вернули ему обратно. Нас интересовало содержимое сумки, а сама она нам не к чему, – ответил третий юноша. – Полиция приходила в парикмахерскую сегодня с утра. Мы с ребятами сначала решили, что это касалось истории, когда Фицджеральд где-то достал взрывчатку и попытался, почти удачно, подорвать местный бордель. В итоге, как оказалось, Райана подозревают в убийстве какой-то проститутки. Если вы захотите постричься, выбирайте другого парикмахера и к дружку его не ходите. Цирюльником кличут. Как-то раз заработался сильно и отрезал главарю банды братьев Бисли кусочек уха.

Алиби подтвердилось, однако некоторые вопросы, касающиеся личности мистера Фицджеральда, у меня все же остались. Самый главный из них, который я бы однозначно задал при встрече с мистером Гилбертом: почему неуравновешенный человек до сих пор остается на свободе?

Я все-таки оставил парням свои последние фартинги и, взглянув на карманные отцовские часы, быстрым шагом отправился на запланированную встречу с мисс Дю Пьен.

Весь путь я радовался невыразимой легкости в теле, но в то же время лихорадочно размышлял: возможно ли, что моя худоба и слабость – результат ежедневных прогулок и недостатка полноценного питания? Хотелось бы верить, что черты моего лица заострились по вине вынужденной диеты, а не из-за проявления болезни. В любом случае я надеялся, что подхваченная мною зараза излечима и скоро самостоятельно отступит.

Через полтора часа я прибыл на место встречи. Клаудия стояла на середине моста, облокотившись на перила, и покуривала не первую сигарету, судя по разбросанным окуркам вокруг ее ног. Морща нос от исходящего с Темзы зловония, она с задумчивым видом смотрела куда-то в туманную даль, изредка переводя взгляд на проплывающие под мостовыми арками грузовые суда.

Врач переделалась в свой повседневный классический темно-коричневый костюм и любимое твидовое пальто, не забыв надеть на голову шляпу-котелок, а на ноги – удобные лакированные ботинки.

Несмотря на то, что общество еще не слишком лояльно относилось к брюкам на женщине, должен признаться, что наряд мисс Дю Пьен, вместо повсеместных пышных юбок и утягивающих корсетов, мне был очень симпатичен.

– Уже шесть вечера, – произнесла она, сбросив пепел в воду. – Родители не объясняли вам, что заставлять даму ждать – это неприлично?

– Вы для меня партнер по работе, а в работе, как известно, бывают непредвиденные обстоятельства. Недавно ничего не теряли?

– Из важного – только время, – задорно усмехнулась она, бросив в реку недокуренную сигарету, едва не приземлившуюся на крышу судна. – Где вас носило?

– Вы посмотрите на меня? Хотя бы из вежливости.

Она боком повернула голову и, увидев свой саквояж в моих руках, воскликнула, искренне удивляясь:

– Ах, боже мой! Откуда это у вас? Где нашли?!

Взбудоражено выхватив помятую сумку, женщина долго открывала ее дрожащими руками с непослушными пальцами, по-доброму обзывая меня колдуном, ведь я смог на второй день, после полугодичных скитаний, вернуть ей пропавшую вещь, об исчезновении которой ничего не знал.

Когда получилось открыть окислившийся рамочный замок, Клаудия суетливо начала проверять сохранность своих дорогих инструментов, чуть ли не выворачивая саквояж наизнанку.

По сей день живо в моей памяти, как она около недели хвасталась покупкой новых скальпелей перед всем клубом лорда Олсуфьева и рассказывала, что потратила большую сумму на нержавеющей сталь, из которой были сделаны хирургические инструменты. Я тогда со своей женой рассмеялся и намекнул мисс Дю Пьен, что подобной стали пока еще не существует и что коррозия со временем все равно проявится.

– Где мои скальпели?! – в панике прикрикнула она на меня, будто это я их украл. – Скажите, что они у вас! Скажите!

– Вчера вечером ваш саквояж обнаружил мистер Фицджеральд у себя на втором этаже и присвоил его себе, – ответил я, доставая из кармана ланцет, завернутый в платок. – О судьбе остальных приспособлений ничего не известно. Когда вы пользовались ими в последний раз?

– Где-то в начале лета. Точную дату не скажу. Я решила, что буду пользоваться скальпелями в редких случаях из-за их дороговизны. После работы я всегда убирала саквояж в один из ящичков шкафа в своем кабинете. Однажды я ничего там не обнаружила и в расстройстве подумала, что заработалась и где-то нечаянно оставила. В то время вас не было в Лондоне, обратиться за помощью было не к кому.

– Во всяком случае, все это уже не пригодно для использования, – ответил я, глядя на потрепанную сумку. – Райан Фицджеральд вам не знаком? Он частый гость в Бедламе.

– Если он не мертв, то нет. Я с живыми не часто работаю. Похоже, придется поспрашивать коллег об этом пациенте.

Глава 6

– Где вы полгода пропадали, мистер Брандт? Чем занимались? Что видели? – поинтересовалась Клаудия, едва поспевая за мной. – У меня мало представлений о других городах. Никогда не была в них.

– Мисс Дю Пьен, я не экскурсовод. Если вы ищете с кем поболтать, обратитесь к мистеру Муру, – ответил я, бодро пробираясь через гудящую толпу оборванных, измятых людей на улице, выпивших или уже страдавших с похмелья. – Держитесь подальше от копоты на стенах домов, а не то испачкаете свое светлое пальто. Не хочу целый день слушать ваше надоедливое нытье и наблюдать за припадками мании чистоты.

– Вот как? – произнесла она, и по ее тону я понял, что мои слова пришлись ей не по душе. – А вы все время едите! Даже если рядом не окажется полноценных блюд, вы все равно будете что-то жевать: леденцы, лакричную жвачку, кокаиновую жвачку. Кокаиновую жвачку, мистер Брандт! Где вы только ее берете?

– Брат прислал из Америки целую коробку полтора года назад. Будете?

– С вами поведешься, так в скором времени окажешься среди тех, кто был вхож в парижский «Клуб гашишистов», – грубо буркнула в ответ женщина, но от предложения не отказалась и прошептала, будто успокаивая себя: – Ну, говорят, что кокаин – хорошее лекарство от депрессии и неврозов.

– Не переживайте так и, ради бога, не считайте меня наркоманом. Вам ли не знать, что кокаин в небольших количествах снижает потребность во сне и умножает умственную активность. Сейчас он панацея для медиков. На все случаи жизни, – сказал я, положив ей в карман еще несколько жвачек. – Так почему вы не хотите общаться с мистером Муром?

Глаза Клаудии усиленно заморгали, а сама она насупилась, сжала кулаки и слегка растерялась, но тут же твердо произнесла:

– Бенедикт сам не горит желанием водиться со мной. Сейчас его мысли заняты тем, где бы достать деньги и на лечение Эбигейл, и на помощь Анне.

– Ведь если он откажет племяннице, то все вокруг сразу подумают, какой плохой и скупой дядя у миссис Гамильтон, что сильно отразится на его жалком самомнении.

– Мистер Мур случайно проговорился, что придумал, как профинансировать оперный спектакль, после чего вообще перестал пересекаться со мной. Оставляя миссис Мур в неведении, он решил брать накопления, отложенные на поездку с дочерью к врачам в Швейцарию. Только вы этого не знаете. Бенедикт просил не распространяться, – утомленно ответила женщина, неуклюже перепрыгивая через уличную грязь, подсушенную вечерними заморозками. – На душе и так скверно и грустно, а со всех сторон еще столько страшной неправды. Казалось бы, у семьи мистера Мура не дом, а полная чаша, но, переступая порог, ощущаешь в нем ужасающую пустоту.

Клаудия остановилась, осматривая низ своих штанов, испачканный лошадиным навозом, выдержала длинную паузу, а потом, криво усмехнувшись, сказала:

– Как выразился мистер Мур: «Деньги нужно тратить на тех, у кого есть будущее».

– Зачем же он тогда тратит их на себя?

Женщина простодушно пожалала плечами, достала из кармана лайковые перчатки, попыталась надеть их на непослушные, замерзшие руки, и подняла воротник пальто, чтобы закрыть голую шею. Ее глаза обильно слезились под покрасневшими веками, прозрачная кожа на щеках стала отливать ярким румянцем, а из носу потекло, отчего она то и дело смущенно касалась платком губного желобка.

Сколько я ее знаю, она всегда была маленькой, низкого роста и до невозможности худой, с венозными сеточками и дерматитом от раствора хлорной извести на кистях.

Телосложение приносило мисс Дю Пьен массу неприятностей и неудобств, начиная от постоянного ощущения холода и заканчивая страхом, что любой средний мужчина может поднять и унести ее в неизвестном направлении, что происходило на моей памяти несколько раз.

– Ох, какой же вы чудак, Итан. Страдаете из-за отсутствия денег, но по-прежнему гордо носите свою золотую брошь с драгоценными камнями на вороте пальто, – сказала врач. – Какая разница, семейная это реликвия или нет, когда перед вами пропасть нищеты? Сдав брошь в ломбард, можно было бы временно решить некоторые проблемы.

– Вместо них появились бы другие. Что вы вообще пристали к моему украшению? С самого начала нашего знакомства, когда я мог купить весь Бедлам и вас на сдачу, вы треплите мне нервы просьбами сходить в ломбард!

– Жуйте жвачку активнее, а то станете неврастеником, – ухмыльнулась Клаудия. – Говорят, ваш брат пообещал приехать в Лондон, но вместо этого стал писать еще реже.

– Мисс Дю Пьен, всем известно, какая вы любительница пособирать личные тайны людей и пообщаться с Бенедиктом, поэтому спешу вам сообщить – мне также известно, какой мистер Мур болтливый человек. Он знает ровно столько, сколько ему позволено знать.

– Я помню, как год назад вы сильно волновались и чуть ли не расплакались в почтовом отделении, когда получили долгожданное письмо от Мишеля. Хотела удостовериться, что этот человек больше не мучает вас своим молчанием.

– Чушь и вздор, – ответил я и скривился от смущения, вспомнив, как мне не помог лаунданум и как я в беспокойном настроении ждал на почте своей очереди. – Светская болтовня успела мне наскучить. Перейдем к делу.

– У вас есть догадки? Кто убийца?

– Не знаю. Единственное, о чем мы можем сейчас говорить, – так это о том, что убийца должен иметь доступ к оружию преступления и печатной машинке, имеющей дефекты. Он должен обладать малыми знаниями анатомии, хромотой и большой физической силой, чтобы совершить убийство за такой короткий срок. Точные мотивы назвать невозможно. Ненависть к проституции? Личные факторы? Смертельная болезнь, полученная в борделе? Половина жителей бедных районов, чья профессия связана с режущими предметами, попадает под эти критерии.

Клаудия сильно огорчилась таким ответом, но вслух произносить этого не стала, убрала руки в карманы пальто, съежившись еще больше, и медленно пошла дальше. Я покорно последовал за ней и не переставал бдеть за окружающей обстановкой, высматривая недружелюбно настроенных представителей банд, растворившихся среди прохожих.

Убогие улицы Ламбета, ничем не отличавшиеся от улиц других нищих районов столицы, заставляли перенимать заразительное меланхолическое настроение рабочих, с которым не мог справиться даже кокаин.

Кварталы, похожие на одно большое кладбище, были плотно застроены двухэтажными кривыми домами, которые давно требовали капитального ремонта и напоминали монастырские кельи, где проживала беднота: голодные дети, старики, разбитые параличом, и взрослые, медленно умирающие от тяжелой работы и алкоголизма.

Родители пугали юную интеллигенцию местными промозглыми переулками и хмурыми людьми, наблюдавшими дневной свет сквозь крохотные, грязные окна фабрик. Сами жители трущоб имели тусклое представление о своем будущем, не знали, в чем заключалась конечная цель, и подсознательно понимали, что с рассветом каждого следующего дня их жизнь не изменится.

– Проклятые братья Бисли! – выпалил пьяный молодой человек, падая из двери паба прямо под ноги Клаудии. – Проклятый район!

Следом за незнакомцем из дома вывалился весьма свирепого вида мужчина с разбитыми костяшками на руках, который поднял юношу над землей и с такой силой встряхнул, что на

мгновенье показалось, будто последний никогда не придет в чувство. Однако пьяница не проронил ни слова – он даже не пытался вырваться или закрываться руками.

– Мы в клоаке, Генри, понимаешь!? – орал мужчина на почти бессознательное тело. – Где твои обещанные богатства!?

– Беспризорники приносят хороший доход, – ответил парень, сплевывая и едва управляя своим языком. – Им нужно время!

– Двенадцать пенсов за неделю – это хороший доход?! Чтобы завтра ты отвалил от детей и придумал нам реальное дело! Я устал жрать помои!

Отбросив сообщника в сторону, которого сразу же стошнило, бандит ушел обратно в паб и громко хлопнул за собой ветхими дверьми. Тем временем на пьяного юношу кто-то с верхних этажей опорожнил свой ночной горшок.

– Да-а-а. Чудный вид обгаженных улиц старой Англии. Как будто и не девятнадцатый век на дворе, – сказал я. – Не наше с вами графство Сурей, конечно, но посмотреть тоже есть на что.

– Вдруг стало понятно, почему мне больше нравится работать с мертвыми, – с отвращением ответила мисс Дю Пьен. – Осталось понять, почему другие боятся их до холодного пота.

До рабочего дома Клаудия шла по краю тротуара, держалась подальше от окон и каждый раз вздрагивала, когда мимо пробежала шпана, просившая хотя бы пенс и кричавшая нам вслед непристойные ругательства.

Мелкие пакостники, ходившие в рванье, больше похожем на мешки из-под овощей, так и норовили под «случайным столкновением» украсть кошель, висящий на ремне. Если у них это получалось, то деньги уже никогда не возвращались владельцу. Дети работали на районные банды, а с последних полиция имела долю, поэтому заявления о кражах отделы принимали, но рассматривали очень неохотно.

– Мои ботинки все в дерьме, – сердито сказала мисс Дю Пьен, обстукивая обувь о поребрик. – Надо будет приобрести высокие сапоги, как у вас. Не напасешься денег на мыло, чтобы стирать брюки каждый день.

– Бросьте причитать, – ответил я, устало потянувшись. – В конце квартала деревянный забор с блеклыми афишами. Прямо за ним нужный нам рабочий дом.

– Когда вы уехали от ресторана, лорд Абберлайн вернулся и разговорился со мной. Он назвал преступление мистическим ритуалом. Его подчиненные нашли пустую бутылку и остатки свечей недалеко от места, где лежал труп.

– Вот вам еще одно предположение. Иногда бутылка и свечи – это просто бутылка и свечи, а Виктор – обычный идиот, – задумчиво сказал я, а потом, глядя на то, как мисс Дю Пьен продолжает обстукивать свои ботинки, усмехнулся, прибавив: – Заканчивайте строить из себя ирландскую танцовщицу. Пора двигаться дальше.

Обширный двор большого рабочего дома замечательно просматривался через щели в дощатом заборе. Прямо перед входом стоял хорошо и тепло одетый мужчина, активно жестикулирующий и возмущающийся в адрес своей испуганной оппонентки, плотно прижимающей руки к груди и покорно кивающей. К сожалению, соседняя стройка не позволяла услышать, о чем он кричал, но незнакомец выглядел крайне недоволен.

Не сдержавшись, мужчина сгоряча ударил женщину ладонью по лицу, пригрозил ей пальцем, затем, хмурясь, глянул на свою руку, на кучу ящиков рядом с дверьми и быстро ушел в рабочий дом.

– Подойдет для выписки штрафа в полицейском участке, – тихо произнес я. – Кажется, появилась возможность немного подзаработать.

– Итан, смотрите, банда Олдриджских Дьяволов! – пролепетала врач, показывая в конец улицы. – Вы входите в их список недоброжелателей?

Бандиты вели себя так, словно разыскивали кого-то, подходили к каждому прохожему, держа керосиновую лампу с небольшим плакатом в руках, и о чем-то настойчиво спрашивали. Они грубо старались остановить любого, кого видели, и особенно пристально вглядывались в людей вдалеке.

Я поспешно раскрыл зонт, встал так, чтобы он скрыл нас от взора Олдриджских Дьяволов, и прошептал:

– Раньше входил. Очень давно этот синдикат напал на иммигрантов. В то время в Ламбете закрывали глаза на его выходки и поддерживали некоторые демонстрации. Все из-за наплыва лиц не английской национальности, занимавших рабочие места коренных жителей, которых данная ситуация не устраивала. Потом бандиты занялись изготовлением поддельных денег, а когда я поймал на этом их главаря Эдмунда Олдриджа, сдал мистеру Гилберту, то стабильно раз в неделю обнаруживал у себя в доме муляж бомбы.

– И как к этому относилась Шарлотта?

– Довольно спокойно. Моя любовь заходила ко мне в кабинет и монотонно сообщала, что на мое имя прислали тикающий подарок, и если я его прямо сейчас не обезврежу, то все наше поместье взлетит к чертям собачьим. Затем она уходила в спальню и наводила утренний маршфет.

Несколько досок забора неожиданно задвигались в разные стороны, и из появившегося лаза, пыхтя и отдуваясь, начала вылезать девушка. Она испуганно замерла, увидев нас, и чуть отдернула назад шелковый платок, обнажив ухоженное и очень красивое лицо с греческими чертами.

– Гелла? – в замешательстве спросил я, крепко сжав рукоять зонта. – Вы?

Проститутка не смогла подобрать нужных слов и только часто и с опаской моргала, застыв с приоткрытым ртом в проеме между досками.

– Что вы здесь делаете, мисс Каррас? – поинтересовалась Клаудия. – Сбегаете из рабочего дома?

– Ох, мисс Дю Пьен! Мистер Брандт, вы живой! Как же я рада видеть вас в Лондоне, – с придыханием восклицала знакомая, обхватив меня руками за плечи. – Случилось страшное! Бандерша говорила вам, что в ее борделе аукционы не проводятся, но меня продали за пару фунтов!

– Что? – непонимающе спросил я, грозно сведя брови к переносице. – Кому?

– Олдрижским Дьяволам! Их главарь не платит нам, заставляет работать с утра до ночи во всех своих пабах, бьет нас. Мистер Брандт, помогите, ради всего святого! У меня больше нет сил терпеть.

Юная девушка перевела взгляд за мою спину, сдавленно закричала и, оттолкнув Клаудию в сторону, рванула вверх по улице от новоприбывших бандитов и тех, кто до этого спрашивал про нее у прохожих.

– Дьявол побери, – произнес я сквозь зубы, услышав отдаленный пронзительный вопль Геллы в вечерних сумерках. – Только бы с ней не сделали ничего дурного.

– Надо было помочь! – возмутилась мисс Дю Пьен. – Почему вы не спугнули бандитов? Вы же могли. У вас же есть оружие с собой.

– Я вернулся в Лондон не для того, чтобы получить пулю в затылок. Мы обязательно поможем мисс Каррас, но чуть позже.

Раньше куртизанки получали от меня вознаграждение за определенные задания и собранную информацию в пабах и публичных домах, где часто собирались представители аристократии. Однако с тех пор, как я обнищал, от услуг девушек пришлось отказаться, пристроив нескольких из них в хорошие, как мне казалось, бордели, чтобы они не остались на улице и имели возможность проходить медицинское обследование.

– Как мужчины могут ходить в публичные дома? – спросила Клаудия, поправляя съехавший котелок. – Там же рабство, несправедливость и повсеместные болезни!

– Не знаю, – ответил я, пролезая через появившийся лаз в заборе. – Поинтересуйтесь у Бенедикта или мистера Гилберта, они завсегдатаи подобных заведений.

– Неужели вы такой святой, что даже к портовым девкам не ходите?

– Не хочется в один из прекрасных дней проснуться без ушей или носа от приобретенного сифилиса, а на содержание постоянной любовницы я еще не заработал.

– И на Холивелл-стрит не заглядываете? – съехидничала она.

– Фу, как вам не стыдно, Клаудия? Откуда у меня деньги на эротические открытки и фотографии, когда мне едва хватает на более-менее приличный чай?

Мисс Дю Пьен похихикала, но тут же осеклась, заметив, что я не разделяю ее веселого настроения и стремлений обсуждать мой досуг.

За дверьми рабочего дома врач ахала от всего, что ее окружало, и нагло заглядывала почти в каждое рабочее помещение, впиваясь взглядом в замученных тяжелым трудом людей.

Мужчины с женщинами, накормленные самой дешевой пищей, имеющие в собственности лишь униформу и неудобную кровать, раздирали свои руки в кровь, деля на волокна старые, использованные веревки, дробили камни, измельчали гипс, горбатились, не зная усталости, и старались не отлынивать от работы. Никто не желал попасть в карцер – самое страшное место во всем рабочем доме, в котором не было ничего, кроме холодных каменных стен и проема с толстой решеткой вместо окна.

Количество нищих пугающе росло день ото дня. Кто-то из них сбивался в банды, нарушал закон, устраивал бунты и привносил много суматохи в размеренную жизнь простых граждан; кто-то предпочитал умереть на холодной каменной скамейке на Трафальгарской площади или под ее мостовой. Другие безработные – слишком гордые для разбоя и слишком напуганные голодной смертью – вставали перед принудительным выбором: работать за еду в благотворительном заведении, построенном отнюдь не из человеколюбия, или колыхаться от ветра над эшафотом. Бродяжничество и попрошайничество не приветствовались и всегда заканчивались чьими-то сломанными шейными позвонками.

Начальники, в основном, обитали повыше и подальше от озлобленных, обессиленных и оголодавших тружеников, заставляя следить за ними надзирателей. Последние только и делали, что ходили по лестницам, редко обращая внимание на то, что происходило вокруг них, покрывали на униженную рабочую силу и самоутверждались за ее счет.

В женском отделении нас остановила тощая женщина лет пятидесяти с усталым лицом зеленовато-серого цвета, впалой чахоточной грудью и общим видом ноющей неотразимой грусти. В ее длинных натуженных руках находились ведра, доверху наполненные водой, которые она с грохотом поставила на пол, после чего с претензией в голосе заявила:

– Здесь полно дел! Будете заниматься чем попало, вас отправят в карцер, как Мириам. Бедная девочка, сначала побита начальником, а теперь отправлена в камеру. А ведь у нее такая затасканная обувь! Как бы не заболела! Кстати, почему вы вместе? Мужей и жен разделяют по прибытию и подвергают наказанию, если они посмеют обменяться хоть одним словом между собой.

После этих слов женщина взяла из одного ведра почерневшую рваную мокрую тряпку и, не отжав, швырнула в меня, приказав оттереть пол в столовой. Опешив от сознательно вырвавшейся у женщины дерзости, я не смог ей ничего ответить и только быстро переводил взгляд то на нее, то на тряпку, то на влажное пятно на своем жилете-корсете.

– Вообще-то, мы не супруги и здесь не живем, – дружелюбно попыталась оправдаться Клаудия, подняв с пола тряпку и протянув ее обратно работнице.

– Как не работаете? Этот похож на наших мужиков, – с усмешкой произнесла работница и показала на меня пальцем. – У них такие же впалые глаза с посиневшими нижними веками и сведенные истомой лица.

Не стерпев грубого отношения к себе, я с размаху пнул стоящее рядом ведро, затем зонтом отодвинул нахальную женщину в сторону и, убрал руки за спину, чинно направился к лестнице, шлепая сапогами по образовавшейся луже.

– Какая совершенно невозможная дрянь! – послышался рассерженный голос работницы. – Безобразие!

Мисс Дю Пьен попросила у нее прощения за мое поведение и все время, пока мы искали начальника работного дома, изводила меня своими многочисленными вопросами о внутреннем устройстве этого места, жизни людей в нем и их нечестной судьбе, на которые приходилось отвечать предельно мягко и уклончиво, стараясь не сорваться. Я понимал, что врач не виновата в моем отказе от курения и плохом здоровье, но и она, в свою очередь, не замечала, как мне было тяжело.

В пролете второго этажа меня охватило удушье от смрадного, тяжелого воздуха. Я беспокойно схватился за сдавленную грудину, сел на пол, облокотившись спиной к стене и стал часто, хрипло дышать, чем сильно напугал мисс Дю Пьен. Она пыталась привести меня в чувства, обмахивая своим котелком и расстигивая влажный от пота воротник моей рубашки, прилипший к шее и стянувшийся на ней, как удавка.

Редкие окна были плотно закрыты, в здании царствовали жара и нестерпимая духота. Складывалось ощущение, будто мы попали на угольную фабрику, а не в работный дом. Ко всему прочему, вокруг витали затхлые запахи нестиранного белья, пота, невымытых тел и сырости, ставшие причиной сильной головной боли у Клаудии.

– Итан, не думали навеститься в больницу? – тревожно спросила мисс Дю Пьен, помогая мне подняться. – Глядя на ваш нездоровый вид и симптомы, вроде удушья, усталости и несвойственной вам стройности, я считаю, что посещение врача необходимо.

Ответить женщине мне помешал неизвестный мужчина, поднимающийся со второго этажа и восклицающий:

– Пропустите меня! Больше поговорить негде, кроме как на лестничном пролете? Мне срочно нужно увидеть начальника!

– Вероятно, дело очень серьезное, – вымотано сказал я, преграждая ему путь. – Как жаль, что вам придется подождать.

Его пыльное лицо не обременялось хотя бы малым интеллектом, а отросшие вьющиеся усы свешивались вниз, скрывая часть малиновых губ. Сам незнакомец был одет просто, умудряясь выглядеть довольно порядочно.

– Послушайте, моя бывшая супруга со вчерашнего вечера не появлялась дома и оставила наших пятерых детей мне, – разгоряченно говорил он, пытаясь оттолкнуть меня. – Не можете войти в положение? Дайте пройти!

– Вам нужно искать ее не здесь, а в больнице на Сент-Джордж Филдс.

– Прекратите издеваться! У нее не было душевных расстройств, чтобы попасть в Бедлам!

– Чтобы попасть в подвал Бедлама, не нужно иметь психических заболеваний, мистер О’Ши.

Мужчина широко открыл глаза, его губы задрожали, а кисти впились жесткими пальцами в мои плечи и медленно сжимались.

– Что произошло? Почему она в море?! – в ужасе вскрикнул он. – Вы кто?

– Вашу бывшую супругу вчера убили в переулке Уайтчепела, – ответила мисс Дю Пьен. – Вы только не волнуйтесь. Мы уже в поисках убийцы.

Потрясенный мистер О'Ши, которого, как выяснилось впоследствии, зовут Брайан, разжал пальцы и, опустив потерянный взгляд в пол, облокотился одним плечом о стену, прикрыв рот кулаком. Пока он приходил в себя, я стал расспрашивать об Энни и его жизни с ней.

Оказалось, что с бывшей супругой они не живут с тех пор, как мисс О'Ши обвинила Брайана в небольшом заработке почтового служащего и стала втайне промышлять проституцией. Долго продержаться она не смогла. Спустя несколько месяцев ее нашли спящей со своими детьми на Трафальгарской площади среди бедняков и поместили в рабочий дом.

Мужчина оправдывал убитую, назвав ее примерной и любящей матерью, пока она находилась в трезвом состоянии и в светлом уме. Брайан также упомянул, как Энни пыталась искать работу и, казалось, нашла ее, но по причине нечестных, но глубоких запоев выйти она не смогла.

– Боже!.. – промямлил мужчина, походя на мертвеца. – Мне же теперь придется забрать всех пятерых детей к себе.

– Были ли у вашей бывшей супруги враги? – спросил я. – Может быть, дети вам рассказывали о каких-то подозрительных личностях, навещавших ее?

– Из недругов только другие проститутки, – ответил он. – Энни часто покидала рабочий дом с нашими отпрысками и приводила их на ночь ко мне, а наутро всегда забирала, возвращаясь в благотворительное учреждение. Сегодня она не пришла. Я сразу почувствовал неладное... тревожно как-то стало, не помню, как добрался сюда.

Брайан начал жаловаться на жизнь, совсем забыв про истинную цель, приведшую его сюда, и мне пришлось ему напомнить о ней, ведь слушать сетования случайного нищего в мои планы не входило.

– Рабочие назвали имя начальника, – сказал мужчина, шагая уверенной походкой по коридору. – Его зовут Алан Бишоп.

– Оставайтесь на месте, пока мы с мисс Дю Пьен пообщаемся с ним, – ответил я, остановившись около ничем не примечательной двери. – Вы же не хотите помешать расследованию своими эмоциями?

Мистер О'Ши отрицательно помотал головой, отошел и прислонился спиной к стене, начав перебирать пальцами свою рыжую бороду.

Дверь к начальнику была заблаговременно закрыта на ключ изнутри, но в самом помещении явно кто-то присутствовал. Постучав несколько раз и не получив никаких результатов, я дернул дверную ручку.

– Проваливайте! – злобно донеслось с другой стороны. – Было ясно сказано – тело отдать для медицинских нужд, а девку, разбившую окно, заключить в тюрьму на месяц по решению магистрата!

– Алан, откройте, – произнес я. – Меня зовут Итан Брандт. Мне посчастливилось, если так можно выразиться, вести дело об убийстве Энни О'Ши.

Послышались спешные шаги. Мужчина вставил ключ в скважину, в которую попал не с первого раза, но не поворачивал его и дверь не открывал, зато спросил:

– Полиция?..

– Нет. Частное расследование. И мне, пока что, не интересны нарушения внутри этого здания.

– А когда придут констебли? – прищуриваясь, поинтересовался очень ухоженный мистер Бишоп, выглядывая из образовавшегося дверного проема.

– Не имею ни малейших предположений, – ответил я и слегка оттолкнул мужчину обратно в кабинет, чтобы пройти. – Мне нужно знать все подробности последнего дня мисс О'Ши.

Пока я осматривал его рабочее место, уделяя внимание небольшой полочке с зеркалом и лежащим на ней умывальным принадлежностям, Алан волнительно ходил вокруг своего стола, держа руки в карманах, и особенно сильно отстукивал каблуками ботинок по деревянному

полу. За короткое время он умудрился выпить почти весь графин с водой и много раз пожаловаться на сухость во рту.

– Вчера она предупредила, что уйдет, – пропыхтел он, делая еще один круг по кабинету. – Энни часто уходила на поиски работы и, согласно правилам, забирала детей с собой.

– Присядьте, – сквозь зубы попросил я, – не нервнируйте меня.

Мистер Бишоп не пытался скрыть свои переживания и, присев, беспокойно задергал ногой, отчего затрясся, как задетое ложкой желе. Он понимал, что дело уже лежало в Скотланд-Ярде и после меня в эту богадельню обязательно наведаются стражи порядка с не самыми благими намерениями. Самым удачным исходом для Алана будет выписка обычного штрафа, а в худшем случае ему придется сильно раскошелиться, чтобы задобрить мистера Гилберта.

– Так вот, я отпустил ее, – продолжил управляющий, спрятав кисти под стол. – В семь часов вечера у меня была назначена встреча в пабе Уайтчепела. Если вы сделаете так, чтобы полиции здесь не было, то узнаете, что мне довелось увидеть.

– Сколько стоит ваша информация? – пробормотала мисс Дю Пьен. – Назовите цену.

Я возмущенно выхватил у нее из рук кошелек, резким движением положил его обратно ей в карман, а затем близко подошел к мистеру Бишопу и зловеще шепнул ему на ухо:

– Если вы продолжите давать заведомо ложные показания, то предстанете перед судом раньше, чем найдется настоящий убийца.

– Я больше не желаю с вами разговаривать, – ответил он, поежившись и подскочив с места. – Покиньте, пожалуйста, мой кабинет!

– Вы сильно слепы на оба глаза, мистер Бишоп, и не можете различить никого, кто находится в паре метров от вас, – сказал я и подошел к полке, взяв в руки толстую, исцарапанную линзу от очков. – Сломанные очки перестали носить давно, о чем говорит уже прошедший след от душки на носу. Как вы могли что-то увидеть в пабе? Вчера утром, пытаясь побриться, вы случайно взяли бритву не с той стороны из-за слепоты и сильно поранились, испачкав кровью полку. Порез плохо зажил, кое-как затянулся, и сегодня, когда вы ударили женщину по лицу, рана вновь открылась, поэтому всю нашу беседу ваши руки находились то в карманах, то под столом.

– Вы не болеете диабетом? – вдруг спросила Клаудия, протягивая начальнику листок из ежедневника. – Худоба, слабое зрение, плохо заживающие раны, сухость во рту и жажда – одни из его признаков. Я написала, как употреблять наперстянку и к кому следует обратиться.

– Алан, до какого-то момента мне было абсолютно наплевать, какие методы стимулирования к работе здесь применяются, но я ненавижу, когда люди используют наглость и ложь против меня, – продолжил я, пока мужчина близко приближал листок к лицу и пытался прочесть, что на нем было написано. – Вам придется заплатить за мое молчание. Вы же не хотите видеть унылое лицо комиссара полиции, читающего вам нотации о том, как нужно обращаться с рабочими и как их нужно кормить? Всего-то двадцать фунтов.

– Какой вы жадный до чужих денег. Зачем я вообще заикнулся про полицейских? Хотя они бы потребовали в два раза больше.

Он бросил несколько потертых бумажек на стол.

– Что вы знаете? – поинтересовалась мисс Дю Пьен, пока я забирал свой гонорар.

– Я действительно вчера столкнулся с радостной Энни лицом к лицу в Уайтчепеле. Она держала в руках какой-то ящик. Женщина часто отпрашивалась из рабочего дома под предлогом поиска работы в городе, но сама, как позже выяснилось, ходила по пабам, выпивала и занималась проституцией, после чего утром возвращалась и просила меня принять ее обратно. Мы с ней вчера немного повздорили. Мне было жаль ее детей, и я всегда надеялся, что мисс О'Ши взаправду отправляется искать работодателей, – ответил мужчина, почесал облысевший затылок и нахмурился. – Через несколько часов, ближе к девяти вечера, я слышал, как она болтала с девочками около барной стойки, за которой я пил пиво. В последнее время от жен-

щины всегда пахло духами, она стала носить приличную одежду. Не знаю, может быть, ухажер состоятельный появился?

– Что за ящик?

– Не смог разглядеть. Хотел поговорить с Энни сегодня по поводу ее поведения, а вот оно как все сложилось...

– Не расстраивайтесь, – вполголоса произнес я, открывая дверь кабинета. – У вас будет возможность поговорить с ее бывшем мужем и полицией.

– Н-но, – заговорил он торопливо и даже заикаясь, – вы же сказали, ч-что...

– Я сказал, что здесь не будет комиссара Скотланд-Ярда, но про дивизионные отделы уголовного розыска не было ни одного слова. Всего хорошего.

Мисс Дю Пьен сначала хотела что-то возразить мне, но, жалостливо посмотрев на мистера Бишоп, молча развела руками, пожала плечами и последовала за мной.

Глава 7

Насупившаяся мисс Дю Пьен шла позади и не скрывала своего откровенного осуждения моего поведения, но слово держала и не смела произносить никаких претензий вслух. До определенного времени.

– Вам совсем не совестно? – спросила она.

– Время сейчас такое. На каждом углу сделки с совестью происходят.

– Ни в коем случае вас не осуждаю, но мистер Бишоп – человек больной и слепой, а работники сами виноваты в своем положении. Я бы не стала сообщать о нем полицейским.

– Клаудия, вы до ужаса компетентны в своей профессиональной деятельности и абсолютно не осведомлены о реальной жизни вне вашей работы, – ответил я, останавливаясь перед выходом из рабочего дома. – Нет смысла звать сюда ищеек мистера Гилберта, ведь Алан предоставит им информацию об Энни О’Ши, чем сильно мешает мне. В целях профилактики нужно было припугнуть старого бездельника, бьющего людей ни за что. Какого бы вы ни были мнения, знайте, что честь и принципы все еще со мной.

– Вот это новость, – хмыкнула она, протянув раскрытую ладонь. – Вы обмолвились, что мы сможем обогатиться. Делитесь.

– Не припомню слова «мы». Мистер Бишоп заплатил за мое молчание, а вы лишь выписали ему бесплатную рекомендацию.

– Ох, извините, что я такая бесполезная. Мне так жаль.

Разве я поступил нечестно по отношению к ней? Ей и всем окружающим стала не нравится моя огрубевшая манера общения, появившаяся из-за несоответствия моих желаний с действительностью. Наверняка Клаудия видела во мне нечто дурное, но кто она такая, чтобы доискиваться до истоков моих поступков?

– Ах, Итан, я все думал, ты или не ты, – раздался насмешливый голос одного из надсмотрщиков, спускающегося по лестнице. – Столько времени прошло с тех пор, как ты навел смуту в банде Олдрижских Дьяволов.

Я прерывисто вздрогнул и опасно замер.

– Парни, посмотрите, кого занесло сюда в поисках работы! – продолжал он. – Мистер Брандт пришел к нам есть кашу с мышиным пометом!

– Жаль, что ваш бывший главарь не может посмеяться вместе с нами, – улыбочиво ответил я и повернулся, – ведь сейчас его голова в банке прекрасно дополняет интерьер кабинета комиссара полиции. Сколько за нее была награда? Около десяти фунтов? Не помню.

Наемный бандит побежал на меня, замахнувшись кукри, но я резким движением достал револьвер из набедренной кобуры и несколько раз выстрелил в мужчину, отчего он скрючился, схватился за окровавленный живот и нечеловеческим голосом начал истошно кричать, зовя на помощь.

Мисс Дю Пьен с ноги открыла двойные двери рабочего дома и выбежала на улицу, пока я прикрывал ее, отстреливаясь от четырех бандитов, ринувшихся отомстить за убитого товарища.

Имея в запасе немного патронов, нам нужно было попасть на одну из главных улиц Ламбета, позаимствовать у кого-нибудь кэб, добраться до ближайшего вокзала и надеяться, что там будет поезд.

– Клаудия, пригнитесь! – во все горло заорал я, повалив ящики перед входом. – Стреляют!

Женщина споткнулась, запутавшись в собственных ногах, упала ничком в лужу густой темно-зеленой грязи и прикрыла голову руками.

Пока она поднималась, я вынул из набедренной сумки небольшую железную банку, поджег зажигалкой фитиль на ней и бросил в сторону бандитов, перепрыгивающих через поваленные ящики.

Черное едкое облако заволочло почти все пространство перед работным домом, образовав непроглядную дымовую завесу. Преследователи закашляли и, пытаясь хоть как-то попасть в нас, стреляли в разные стороны, пугая работников отрывистыми взрывами зарядов.

– Какой невозможный запах! – чихая, воскликнула коллега.

– Дымовая шашка, – запыхавшись ответил я, помогая ей перелезть забор сверху. – Последняя.

Я было рванул с места в сторону главной улицы, но почувствовал, что врач за мной не бежит.

Она все еще стояла у забора, упершись в него одной ногой, и панически пыталась выдернуть зацепившийся за гвоздь саквояж.

– Да бросьте вы этот балласт! – закричал я, схватив ее за руку. – Из-за вас нас обоих пристрелят!

– Нет! – злобно ответила женщина, сильно оттолкнув меня. – Он стоит для меня дороже, чем весь клуб лорда Олсуфьева!

Дернув со всей силы, мисс Дю Пьен смогла освободить застрявшую сумку, которая получила к своему несвежему виду еще и огромную дыру.

Поскальзываясь в грязи и тяжело дыша, Клаудия невнятно говорила, что больше не может бежать, и, чтобы не упасть, мертвой хваткой вцепилась в мою руку, хотя я сам едва держался на ногах.

Бандиты затеяли перестрелку, не переживая за жизни прогуливающих жителей, и даже умудрились кого-то ранить, пока мы бежали на Ламбет-роуд и расталкивали людей перед собой.

Врач взвизгнула от пули, пролетевшей мимо, но довольно близко, чтобы повредить одежду и оставить кровоточащую рану на плече, а я вдруг вспомнил про полицейский свисток, в который свистнул, чтобы привлечь внимание стражей порядка и чуть припугнуть преступников.

– Клаудия, вы же не разучились стрелять? – спросил я, бросившись в сторону мирно стоящего экипажа около магазина с зонтиками.

– Мое место работы – больница для душевнобольных, – ответила она сквозь зубы, не отпуская раненое плечо. – Конечно не разучилась!

Я схватил кучера за полу сюртука, скинул его на землю, ударил несколько раз рукояткой зонта по голове и отобрал упавшие у него с ремня кольт и коробочку с патронами.

Держась за макушку, мужчина быстро подскочил и начал истерически звать на помощь полицейских, пытаясь помешать нам отъехать, но мисс Дю Пьен с силой отпихнула его ногой.

– Ваш выход, Клаудия, – произнес я, ударив поводьями. – И постарайтесь не стрелять навскидку, тратя попусту патроны!

Навстречу выехал полицейский экипаж, который должен был остановить членов синдиката и спасти нас, но вместо этого бобби начали целиться по нам, нечаянно наезжая на визжащих людей, мечущихся в панике по разным сторонам.

– Какого черта!?! – воскликнул я, когда одна из пуль попала в мой цилиндр, сбив его. – Полицейский свисток должен был сработать не так!

– Осторожно! – крикнула Клаудия, пригнув мою голову. – Сворачивайте в переулок на Вестминстер-Бридж-роуд, а там к вокзалу Лондон-Ватерлоо рукой подать!

Разгорячившись и совсем забыв про больное плечо, врач подстрелила полицейскую лошадь, о чем радостно и громко оповестила, затем вытащила из моей кобуры еще один револьвер и стала стрелять по бандитам с двух рук, поддразнивая их всякими непристойностями.

– Мисс Дю Пьен, выбирайте выражения, – громко и с азартом сказал я, пытаюсь не затеряться в грохоте от колес. – Как-никак поездка первого класса!

– По тому, как управляет кучер, и не скажешь! – рассмеялась женщина.

Пытаясь увернуться от ее шальных пуль, один из преступников не справился с управлением, врезался в фонарь и перевернулся вместе с повозкой.

Нарушая все возможные правила движения, я смог довести нас живыми до вокзала, соскочил с облучка, помог слезть раскрасневшейся, растрепанной Клаудии и сразу же побежал с ней внутрь станции.

Людей на перронах бродило много, будто все разом решили покинуть город в поисках лучшей жизни. Это сыграло нам на руку – можно было затеряться.

Выбившаяся из сил мисс Дю Пьен случайно споткнулась о чью-то дорожную сумку и выронила свой проклятый саквояж, который кто-то пнул ногой.

– Поезд почти уехал, – зло сказал я, крепко держа ее за предплечье и не давая искать потерянную сумку. – У нас нет времени искать ваше барахло!

У входа на платформу раздались предупредительные выстрелы, женщины в страхе заверещали, мужчины забегали, как испуганное стадо, и создали страшную толкотню.

Мисс Дю Пьен сунула мне в руки револьвер и растворилась в давке, отправившись на поиски своего саквояжа.

– Клаудия! – закричал я, высматривая ее по верх людских голов. – Клаудия, вернитесь обратно!

Двое последних бандитов заметили меня и попытались протолкнуться через мечущихся по станции людей, которые пытались защитить себя, детей и свои драгоценные чемоданы.

В бешенстве от коллеги я плюнул, выругался на нее в сердцах и побежал к поезду, что почти покинул перрон.

Мной были предприняты все возможные усилия, чтобы спасти пустоголовую мисс Дю Пьен, для которой ценнее оказалась ее обшарпанная, убогая сумка. Если я вдруг узнаю, что старую подругу пристрелили, то ни в коем случае не буду испытывать муки совести.

Спрыгнув на железнодорожные пути, я начал задыхаться и ощутил внезапную вялость, которая валила с ног. Подступал кашель. Пока состав только набирал скорость, в него еще был шанс попасть, спрятаться среди пассажиров и остаться сегодня в живых, но с каждой секундой мне становилось все тяжелее.

Не переставая бежать между рельсами и стрелять в бандитов, чтобы замедлить их, я запрыгнул на ступеньку последнего вагона и обнаружил, что патронов осталось всего на одну перезарядку.

– Брандт, мы все равно доберемся до тебя! – завопил одноглазый бандит, бегущий за мной по черным блестящим крышам состава. – До тебя, Себастьяна и Виктора!

Поезд разогнался, сильный ветер трепал мои волосы, скользил по разгоряченному лицу и пробирался под одежду. Гнев от потери любимого головного убора и глупости мисс Дю Пьен затмил мой разум. Решив наказать преследователей, я остановился и повернулся к ним лицом к лицу, вытаскивая из зонта рукоять с клинком в основании.

– Отрежем ему голову, Стив, – запыхавшись сказал юноша, – законсервируем и отправим Томасу в штаб-квартиру.

– Итан, ты же вроде перестал работать с бобби, – прокручивая в руке кукри, громко произнес мужчина с перевязанным глазом. – Молодец! Когда у человека появляются сомнения в тех, кто его должен защищать, то он всегда встает на скользкую дорожку.

– Черт побери, комплимент от инвалида, – ответил я, закатив глаза, – что может быть хуже?

Второй бандит вдруг закричал и свирепо набросился на меня с ножом. Я успел увернуться, порезав его бок клинком, и пока он отвлекся на увечье, в бой ворвался одноглазый мужчина.

Он выбил клинок у меня из рук, схватил за лацканы пальто, резко притянул к себе и ударил головой в лоб, наверняка считая, что тем самым лишит меня сознания.

– Плохо целуешься, – простонал я, схватившись за виски. – Потренируйся на баранах!

Бандит взял меня за грудки и приподнял, намереваясь скинуть с вагона.

– Бесславный конец для паршивого пса, – сказал он, улыбаясь злее прежнего.

Я со всей силы ударил ногой под его колено, повалил на спину, вытащил из своей набедренной сумки нож, всадил ему в горло, толкнул мертвое тело с крыши и сразу же получил мощный толчок сбоку.

Упав и разбив нос до крови, а затем перевернувшись, я инстинктивно закрылся одной рукой и пополз назад.

Стоя на не твердых ногах и заряжая пустой барабан, надо мной нависал первый раненый бандит, прижимающий локоть к глубокой ране на боку.

– Брандт, ты же знаешь, каково это – быть угнетенным и каково это – испытывать поражения на каждом шагу, – срываясь на крик и прицеливаясь, говорил мужчина. – Почему ты не хочешь работать с синдикатами? Почему до сих пор борешься с нами?

– Потому что больше никому! – сквозь ветер взревел я, всадив в него все пули из револьвера.

Успев нажать на спусковой крючок кольца, бандит замятво упал на крышу и умер в страшных судорогах.

Я кое-как встал, отхаркнул кровью, собрал зонт, спустился в тамбур, зажимая нос платком, и, не доходя до середины коридора вагона, обратил внимание на солнечный свет в окнах, ставший слишком ярким.

Подурнело. Стук от колес поезда сменился нарастающим плотным гулом, ноги начали заплетаться. Чтобы не упасть, я вцепился рукой с окровавленным платком в спинку ближайшего сидения, чем потревожил пассажиров.

– Сэр, все хорошо? – поинтересовалась женщина в возрасте, чьи черты лица расплывались.

Я не смог ей ответить и, покачиваясь, едва стоял с широко открытыми глазами, как у сумасшедшего, пугаясь сгущающейся темноты перед собой.

– Боже! – глухо произнес какой-то мужчина. – Он же весь в крови!

Я только и успел, что поглядеть на левую руку, держащую зонт, по которому из-под пальто текла струйка темной крови, после чего потерял сознание.

Глава 8

– Помогите его поднять! – отдаленно послышался Бенедикт сквозь отступающий шум в ушах. – Живее!

– Полностью раздевать не будем? – отозвался знакомый голос человека, держащего мои ноги.

– Сажайте в ванну прямо в брюках. И-и-и раз, и-и-и два! Тяжелый гад!

– Где лед?

– А! Сейчас, сейчас. Эдмунд! Где вас носит? – воскликнул мистер Мур. – Вы хотите, чтобы этот мерзавец умер? Лорд Олсуфьев нам всем головы оторвет! И мне в первую очередь!

Обливаясь холодным потом, я приглушенно слушал, о чем они говорили, чувствовал пульсацию чуть выше сердца, но почему-то не мог пошевелиться и открыть глаза.

– Всем известно – ничто не вечно, кроме мистера Брандта, – произнес мужчина, помогающий Бенедикту. – Сейчас я попробую привести его в сознание, а вы пока сыпьте лед.

Мое тело свело судорогой и мгновенно обледенело, словно меня перенесли в самые холодные и отдаленные места нашего мира, похоронив в толще снега без одежды, а голова тошнотворно заболела, как будто я разом положил в рот целое мороженое.

Мужчина сделал толстой иглой внутривенный укол.

Тут же, резко набрав полную грудь воздуха, я подскочил в ванной, крепко вцепившись в бортики по бокам, и диким взглядом смотрел то на обеспокоенного Бенедикта с железным глубоким тазом в руках, то на низкого мужчину, который разворачивал бинт.

– С возвращением, Итан, – сказал джентльмен. – Лягте полностью в ванну, пожалуйста, а локти положите на ее края.

Спасшим меня человеком был немец Джонатан Грейс. Он являлся практикующим врачом в частной клинике и по совместительству другом и соседом мистера Мура, который не один раз помогал ему искать психиатров для Эбигейл.

– Что с мисс Дю Пьен? – спросил я, неровно дыша и трясясь, пока врач перевязывал место укола. – Где Клаудия?

– Я же отвечал уже тысячу раз. Хотя откуда вам помнить, ведь вы всю дорогу то приходили в сознание, то теряли его снова, – ответил мистер Грейс, поправляя сползшие очки. – Вы были одни, когда моя жена и я обнаружили ваше бездыханное тело в вагоне. Мы оказали вам первую помощь и привезли к мистеру Муру. Я знал, что у него всегда имеется лед, а в моем доме были нужные лекарства.

– Еще вы знали, где точно сможете подзаработать. Опять мне платить за этого негодяя, – фыркнул Бенедикт, доставая деньги из кармана жилетки. – А у вас, Итан, я даже спрашивать не буду, каким, простите за выражение, дерьмом вы снова занимались с мисс Дю Пьен.

– Sie haben Glück², мистер Брандт. Пуля попала в поверхностную мышцу плеча. И нос у вас не сломан, лишь сильный ушиб, – сказал врач и провел рукой по своей седой пышной бороде, пересчитывая полученные деньги. – Впрочем, вы все равно потеряли достаточно крови, и ваша рука еще долгое время будет болеть.

– Лучше бы вы оба меня добились, честное слово.

После моего полного прихода в сознание, все предметы вокруг стали очень четкими, жаль только, что на непродолжительный срок. Вскоре силуэты раздвоились и помутнели подобно эффекту, возникающему после выхода из опиумной курилки.

Охватил озноб, ноги сводило. Я попытался вылезти, но мужчины потребовали вернуться обратно и посидеть еще пару минут, пока они будут перевязывать мое плечо.

² Вам повезло

– Итан, я составил вам список препаратов. Постарайтесь не поднимать руку, – сказал Джонатан, кладя листок на умывальник. – Джентльмены, я бы пообщался с вами подольше, но не смею больше заставлять свою супругу ждать меня. Auf wiedersehen³.

Мужчина церемонно поклонился, пожелав мне скорейшего выздоровления, накинул на свое тучное тело сюртук и ушел.

Бенедикт устало выдохнул, поставил таз, который находился все это время в его больших, крепких руках, и подошел к раковине, принявшись исподлобья смотреть на меня через зеркало.

– Где вы потеряли мисс Дю Пьен? – спросил он, расчесывая растрепанные волосы на своей голове.

– За нами гнались Олдриджские Дьяволы почти через весь Ламбет, – обессиленно ответил я, закинув голову назад. – На вокзале Лондон-Ватерлоо она потеряла свой саквояж в взволнованной толпе и отправилась его искать. Больше видеть ее не приходилось.

– Все мои должники пытаются уйти из жизни. Это очень беспокоит. Хорошо, что главный из них все еще в здравии и не скрывается, как это делают остальные. Да, мистер Брандт?

– Большое спасибо за хлопоты и проделанную работу, но это было исключительно вашей и мистера Грейса инициативой – вернуть подлого мерзавца к жизни.

– Тогда считайте, что этот прием врача был в качестве самого дорого и единственного подарка на ваш день рождения, – ответил он и положил листок с назначениями в карман моего пальто.

– Поздновато вы спохватились. Дарите подарки спустя месяц со дня торжества. Как-то непочтительно.

Было заметно, как Бенедикта что-то тревожило. Он искусал всю свою нижнюю губу, от него веяло сильным холодом и отстраненностью.

Когда я поинтересовался, о чем он беспокоится, то старый друг весь сгорбился, брезгливо сморщил лицо, широко раздувая ноздри своего мясистого носа, и нахмурил густые брови, которые и без этого нависали над его глазами, почти закрывая их.

Мужчина формально обвинил меня в циничности и бездушности по отношению к его племяннице, назвав предложение показать бедные окраины Лондона перед встречей с мисс Дю Пьен абсурдным.

– Мистер Брандт, если вам наплевать на себя, то не влезайте хотя бы в мою семью. Я представил Анну не для того, чтобы вы втянули ее в свои сомнительные начинания, – насупленно произнес Бенедикт, скрестив руки на груди. – Общение с вами не сулит ничего хорошего в большинстве случаев.

– Позвольте, никаких предложений в сторону женщины от меня не поступало, – непонимающе ответил я. – Давно ли вы видели, чтобы мне из добрых побуждений захотелось с кем-то прогуляться? Я неохотно согласился побыть в компании Клаудии, с которой давно дружу, а вы про свою родственницу говорите.

– Анна подходила к вашему столику в ресторане и получила предложение на променад.

– Нет. Когда миссис Гамильтон явилась, то некультурно и очень невежливо поступила, пристыдив меня в общественном месте за ночное отсутствие в вашем доме и за ваше сильное волнение, мистер Мур. После завтрака я сразу же отправился в Скотланд-Ярд, оттуда в Уайт-чепел, затем в Ламбет, где встретился с мисс Дю Пьен и поехал с ней в рабочий дом.

Недобрым взглядом Бенедикт посмотрел в сторону выхода из ванной, надулся и запыхтел, как паровая машина. Наверно, ему не хотелось принимать правду о том, что его безмерно любимая племянница, ради которой он лишил собственную дочь лечения, оказывается, умеет лгать.

---

³ До свидания

Собравшись с мыслями, мистер Мур приоткрыл дверь и, не скрывая нахлынувшего негодования, несколько раз позвал Анну к нам.

Через некоторое время в коридоре послышались шаркающие шаги миссис Гамильтон, которая в нерешительности остановилась перед ванной комнатой. Я заметил часть ее взволнованного личика, смотрящего на дядю через щелочку, и подмигнул, чем немного смутил женщину.

– Анна, принеси извинения оболганному мистеру Брандту, затем прошу пройти в мою комнату, – чуть ли не шипя сказал Бенедикт, не поворачиваясь к зашедшей племяннице. – Нужно обсудить мою пошатнувшуюся репутацию и выяснить, кто научил тебя так бессовестно врать. Честное слово, жизнь с Филиппом испоганила тебя!

Миссис Гамильтон, прикоснувшись к своим побагровевшим щеками, начала переминаясь с ноги на ногу и беспрестанно теревить изящной рукой тонкое обручальное кольцо на правом безымянном пальце.

– Что? стыдно тебе? – с упреком спросил мистер Мур. – А?

Женщина промолчала, покорно опустила голову и нервно сглотнула, когда Бенедикт подошел чуть ближе, готовый устроить грандиозный скандал. Но вместо того, чтобы закричать, он замахнулся, дал ей грубую пощечину, топнул ногой и со стиснутыми кулаками вышел из ванной комнаты.

– Ваш дядя трепетно относится к мнению о нем в обществе, – сказал я, вылавливая льдинку. – Не стоит огорчать его, если хотите получить финансовую поддержку для своей труппы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.